

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЧИСЛА В ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

1 Введение

Настоящая работа¹ представляет собой попытку свести разрозненные факты о морфологическом выражении категории принадлежности в современном армянском языке в одно связное обсуждение, которое было бы построено в двух плоскостях — исторической и теоретической. Цель статьи, таким образом, двояка: во-первых, описать диахронический путь развития не вполне обычной системы выражения числа обладателя в современном западноармянском языке и диалектах восточной группы, а во-вторых — очертить теоретический аппарат, требующийся для анализа этого пути.

Современный армянский описывается как язык со смешанной системой выражения категории принадлежности [1, 2, 3, 4]. Так, в нём в дополнение к *аналитической* конструкции с генитивной формой существительного или личного местоимения (1) имеется и *синтетическая* конструкция, в которой лицо и число обладателя выражаются морфологически на вершинном имени (2):

- (1) Мушский диалект (с. Лусакунк) [5, с. 325]

Im təḡe-n gerpe-n k-ašxate-r.
мой мальчик-DEF ГРП-DEF IND-работать-PST.3.SG

‘Мой сын работал на газораспределительном пункте (ГРП).’

¹Статья основана на докладе «A Distributed Morphology approach to possessive plural marking in Eastern Armenian», представленном на XI международной конференции по армянскому языкознанию (г. Ереван, 2-5 октября 2017). Автор выражает благодарность Фонду Калуста Гюльбенкяна за возможность поучаствовать в конференции. За обсуждение данных и анализа автор признателен Карлосу Арреги, Дэвиду Эмбику, Рольфу Ноеру, Акиве Баковкину, а также Ксении Ершовой, Мариам Асатрян, Кнар Бабян, Овсепу Довлатяну и Табите Топарлак.

(2) Мушский диалект (с. Лусакунк) [5, с. 325]

Тəġe-s ek-a-v.
мальчик-1.POS прийти-AOR-3.SG

‘Мой сын пришёл.’

В литературном восточноармянском языке, а также в диалектах мушко-алашкертской, урмийской и приаракской групп, обладатель выражается *либо* местоименно, *либо* на вершинном имени, но, как правило, не одновременно [6, 7, 8]. В ряде восточноармянских диалектов в аналитической конструкции, наоборот, наблюдается обязательное дублирование лица и числа местоименного обладателя на вершинном имени (3), в точности, как в западноармянском языке [9].

(3) Вайоцзорский диалект [10, с. 39]

Im axġig-əs nan k’o təġe-d min t’ay e-n.
мой девочка-1.POS и твой мальчик-2.POS INDEF ровня быть-3.PL

‘Моя дочь и твой сын – ровесники.’

Несмотря на то, что морфосинтаксические свойства армянских притяжательных конструкций изучены недостаточно, наблюдаемое во многих диалектах двойное маркирование говорит как минимум о возможности обобщённого анализа обеих конструкций как согласования фонологически выраженного или нулевого притяжательного местоимения (или именного обладателя) с вершиной именной группы (DP), как было предложено для тюркских языков, например, татарского [11, 12]. При таком анализе происхождение на обладаемом имени признаков лица и числа обладателя точно локализуется в синтаксической деривации. В настоящей статье нас будет интересовать *следующий* в деривационном отношении компонент грамматики, а именно морфологическое выражение полученных вершиной DP морфосинтаксических признаков, чей механизм представляет собой немалый типологический и теоретический интерес.

В строгом смысле, ниже мы ограничимся рассмотрением выражения лишь *числа* обладателя в притяжательных конструкциях синтетического типа, так как в них наблюдаются систематические отклонения от типичного для современного армянского языка агглютинативного идеала. Конечной целью мы себе ставим обсуждение системы разговорного восточноармянского литературного языка, которому свойственны следующие формы:

(4) Вост. лит. яз.

Tun-ner-əs k'ande-c'i-n!
дом-PL-1.POS разрушить-AOR-3.PL

‘Наш дом (/наши дома) разрушили!’

Формы типа *tun-ner-əs* примечательны, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, в примере (4) показатель множественного числа имеет неоднозначную интерпретацию. Он может кодировать как множественность только обладателя («Наш дом разрушили!»), так и множественность и обладателя, и обладаемого («Наши дома разрушили!»). Таким образом, в этих формах возможна кумуляция значения множественности обладаемого и обладателя в одном показателе.

Во-вторых, показатель множественного числа *-ner* нетипичен для наблюдаемого в примере (4) морфологического контекста и вне притяжательной конструкции не присоединяется к односложным основам.² В этой связи нас будет интересовать как вопрос происхождения форм типа *tun-ner-əs* [дом-PL-1.POS] ‘наш(и) дом(а)’, так и их возможное теоретическое осмысление в синхронном срезе, особенно в свете работ по западноармянским притяжательным конструкциям синтетического типа [3, 4].

Следует отметить, что такие притяжательные формы крайне редко становятся предметом подробного обсуждения в армянском языкознании. С одной стороны, восточноармянская синтетическая конструкция не вполне продуктивна, а с другой — зачастую воспринимается носителями как маргинальная для литературной речи черта. Согласно описаниям, её употребление ограничено односложными существительными из категории неотчуждаемой принадлежности (*jeṙk'-ner-əs* [рука-PL-1.POS] ‘наши руки’), послелогами, управляющими генитивом, такими, как *het-ner-əs* [вместе.с-PL-1.POS] ‘с нами’ (односложными и имеющими именное происхождение), местоименными подлежащими при нефинитных глагольных формах (*ga-l-ner-əs* [прийти-INF-PL-1.POS] ‘наш приход’),

²В большинстве разновидностей современного армянского языка имеется фундаментальное противопоставление двух продуктивных показателей множественного числа, как правило, *-er*, сочетающегося с односложными основами, и *-ner/- (a)ni*, сочетающегося со многосложными основами [13]. Также имеются диалекты типа арешского [14, с. 78-79], в которых *-er* в отсутствие *-ner/- (a)ni* распространяется и на многосложные основы и становится показателем по умолчанию, но нам неизвестны диалекты, где был бы зафиксирован обратный процесс, а именно распространение *-ner/- (a)ni* на односложные основы.

а также рядом разговорных идиоматических выражений, например, *c'av-ner-əd tane-m* [боль-PL-2.POS забрать-1.SG] 'заберу вашу боль' [9]. В этих же контекстах широко используется и полностью регулярная аналитическая конструкция, так что с её стороны оказывается значительное давление на синтетическое выражение принадлежности.

Этой отчасти методологической сложностью продиктовано наше решение обратиться к исследованию вопроса морфологии синтетических притяжательных форм восточноармянского языка через междиалектное сравнение, позволяющее (а) установить множество различных систем, наблюдаемых в диалектах, и (б) построить между ними связи, в том числе ответить на вопрос, какие системы для каких являются исходными. Помимо этого, различия в линейных порядках морфем, инвентарях показателей, а также фонологических процессах, задействованных в разных диалектах, могут быть крайне информативны для теоретического описания как диахронии, так и синхронии рассматриваемого явления.

Важно отметить, что предварительная полевая работа с носителями диалектов показала, что молодое поколение часто замещает описанные в грамматиках диалектные модели морфологического выражения обладателя на модель восточноармянского языка, особенно, что касается распространения аналитической конструкции. В связи с этим основным источником данных для нас служат грамматики отдельных диалектов, которые, как правило, основаны на материалах, полученных от носителей более консервативного в языковом отношении старшего поколения.³

Исследование доступного нам диалектного материала показывает, что в восточноармянском языке имеется две разновидности синтетических притяжательных конструкций. *Полная* форма распространена в части карабахских и араратских диалектов. Два её главных свойства проиллюстрированы ниже: во-первых, в полной форме раздельно выражается множественность обладателя и обладаемого (5), а во-вторых, в формах с единичным обладаемым и множественным обладателем возникает аномальный показатель множественного числа (6), который – вопреки основной функции этого показателя – не выражает признака числа обладаемого.

³Естественным ограничением такого метода являются потенциальные неточности и недосказанности в описании, которые мы надеемся устранить при более масштабном полевом исследовании.

(5) Карабахский диалект (с. Талыш) [15, с. 276]

De hinč' ən-i-nk', cərk'-**ər-ner**-av-əs hinč' =e-r
а что делать-PST-1.PL рука-PL-PL-INS-1.POS что AUX-PST.3.SG
k-üm?
приходить-IPF

‘А как нам было быть, что нам было делать (досл., ‘что проходило через наши руки’)?’

(6) Карабахский диалект (с. Члدران) [15, с. 263]

Mez el pərikaz č'ə-ka, var afač' k'inä-nk': öz-üm
мы.DAT ЕМРН приказ NEG-Э COMP вперёд идти-1.PL хотеть-IPF
=ə-nk' t'a məs-**ər-ne**-s ote-nk', axer č'uru əsteğ' henc'
AUX-1.PL COMP мясо-PL-PL-1.POS есть-1.PL ведь до здесь же
k'əš'al =ə-nk', var kərec'-al =č'ə-n dibet yeši-n.
гнать-PFV AUX-1.PL COMP мочь-PFV NEG-AUX-3.PL назад смотреть-3.PL

‘А у нас нет приказа наступать, и [от злости и нетерпения] мы сидим
грызём локти (досл., готовы съесть свою плоть), ведь так мы [немцев]
сюда загнали, что они и обернуться не могли.’

С точки зрения двух вышеуказанных свойств, полная форма в восточноармянском языке аналогична более известной в литературе синтетической притяжательной конструкции западноармянского языка [3, 4, 16] и, видимо, от неё и произошла. Согласно нашему сценарию, из полной формы путём морфологической гапологии получается вторая, *усечённая* (синкопированная) форма, распространённая в урмийских и приараксских, а также в части араратских диалектов и разговорном восточноармянском литературном языке. Важнейшим её свойством является утрата независимого выражения множественности обладателя и обладаемого, которое ограничено максимум одним показателем:

(7) Араратский диалект (с. Алапарс) [17, с. 262]

Č'ors k'örp'a erexa, č'əlut- č'əp'lah, me kat'il anjrev
четыре малыш ребенок оборванный- голый один капля дождь
həngn-əm =e-r t'e č'e, tun-ə kat'-əm =e-r
падать-IPF AUX-PST.3.SG или нет дом-DEF течь-IPF AUX-PST.3.SG
gəlx-**ner**-i-s.
голова-PL-DAT-1.POS

‘[Так мы и жили:] четыре маленьких ребенка, ходили в рванье, с неба упадёт капля – сразу в дом нам на головы течет.’

Усечённая форма имеет несколько подвидов, разнящихся в зависимости от того, насколько значительным оказывается наблюдаемый гаплогический эффект. В одних диалектах он касается фонологически схожих показателей (например, в вайоцзорском [10] или горисском [18]), в других – любых двух соседствующих показателей множественного числа (к примеру, в карчеванском [19] или урмийском [20]).

Ниже на данных западноармянского языка и ряда восточноармянских диалектов производится обоснование описанного выше сценария, а также предлагается формальный взгляд на процессы, происходящие с синтетическими притяжательными конструкциями, в терминах распределённой морфологии [21, 22]. Раздел 2 представляет собой обсуждение западноармянского материала и существующих в литературе теоретических подходов к его анализу. В разделе 3 подробно обсуждаются данные восточноармянских диалектов. Раздел 4 содержит теоретические и методологические выводы.

2 Западноармянский язык

В качестве точки отсчёта возьмём парадигму притяжательных форм многосложных основ в западноармянском языке⁴ (8), которая является единственным случаем однозначного кодирования числа обладателя в синтетических притяжательных конструкциях, рассматриваемым в данной работе.

В западноармянском множественность обладателя кодируется специальным показателем *-ni*, не совпадающим с обычными алломорфами показателя множественного числа. Число обладателя линейно предшествует лицу, которое кодируется показателями *-s* (первое лицо), *-t* (второе лицо), и *-n*⁵ (третье лицо).

⁴Мы используем данные малатийского диалекта [23], однако та же система распространена в разговорном литературном языке и многих других диалектах (тем не менее, не всех, см. обзор Р. Ачаряна [2, с. 355-387]). Подробное описание западноармянских систем морфологического выражения принадлежности выходит за рамки настоящего исследования.

⁵Морфонология притяжательных показателей устроена несколько сложнее. В первом приближении перед показателем появляется эпентетический [ə] в случае исхода основы на согласный (*ağjik-[ə]s* ‘моя дочь’), после чего в случае третьего лица удаляется /n/, если последующее слово не начинается с гласного (*ağjik-[ə]* ‘её/его дочь’). См. обсуждение этого явления в работах [16, 24].

- (8) Морфологические показатели категории принадлежности в западноармянском языке (малатийский диалект [23, с. 104-105])

	ЕД. Ч.	МН. Ч.
1	k'ini- s 'моё вино'	k'ini- ni-s 'наше вино'
2	k'ini- t' 'твое вино'	k'ini- ni-t' 'ваше вино'
3	k'ini- n 'её/его вино'	k'ini- ni-n 'их вино'

Наибольший интерес представляет взаимодействие системы выражения принадлежности с числом обладаемого, поскольку морфемы числа обладателя и обладаемого соседствуют между собой (9). В случае многосложных основ это взаимодействие устроено тривиально, но у односложных основ в конфигурации с единичным обладаемым появляется аномальный показатель множественного числа.

- (9) Взаимодействие множественного числа обладателя с числом существительного в малатийском диалекте [23, с. 104-105]

Одно-σ осн.		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	hac'- ə s 'мой хлеб/обед'	hac'-er- ə s 'мои хлеба/обеда'
[МН.Ч. обл.]	hac'- er-ni-s 'наш хлеб/обед'	hac'-er- ni-s 'наши хлеба/обеда'
Много-σ осн.		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	k'ini- s 'мое вино'	k'ini-ner- ə s 'мои вина'
[МН.Ч. обл.]	k'ini- ni-s 'наше вино'	k'ini-ner- ni-s 'наши вина'

Появление морфологической эпентезы приводит к ситуации, когда у односложных основ формально не различаются формы единственного и множест-

венного числа существительного со множественным обладателем. Глагольное согласование при этом происходит в соответствии с семантическим числом обладаемого существительного (см. 10-11).⁶

(10) Зап. лит. яз.

Dun[-er]-ni-s t'əbroc'-e-n p'avagan heɾu **e-r**.
дом-PL-PL-1.POS школа-ABL-DEF довольно далеко быть-PST.3.SG

‘Наш дом находился довольно далеко от школы.’

(11) Dun-er-ni-s t'əbroc'-e-n p'avagan heɾu **e-i-n**.
дом-PL-PL-1.POS школа-ABL-DEF довольно далеко быть-PST.3.PL

‘Наши дома находились довольно далеко от школы.’

Соотношение синхронии и диахронии

Наиболее вероятный сценарий происхождения эпентетических показателей в армянском языке, на наш взгляд, имеет следующий вид. Показатель множественного числа *-ni* получает распространение в среднеармянском языке, где в основном встречается у двусложных (напр., *melik'-ni* ‘мелики,’ *katv-ni* ‘коты’) и изредка многосложных (напр., *kardac'og-ni* ‘читающие’) именных основ, а к односложным основам не присоединяется вообще [13, с. 396]. В диалектах современного армянского языка его рефлексy обычно являются показателями множественного числа у многосложных основ.

Далее, также в среднеармянский период *-ni* начинает присоединяться к односложным существительным с показателем парной множественности *-vi* поверх последнего (например, *ot-və-ni* ‘ноги’, *dəɾ'-və-ni* ‘двери’) [13, с. 413], а на рубеже среднеармянского и современного периодов уже используется в качестве показателя множественного числа обладателя и присоединяется к односложным основам обычного типа поверх показателя *-er* (например, *bun-er-n-e-n* [гнездо-PL-PL-ABL-3.POS] ‘из их гнезд(а)’) [13, с. 376].

Возможно, второй процесс стал следствием первого или развивался по аналогии с ним, о чём свидетельствует независимое использование *-vi* в качестве диалектного эпентетического показателя множественного числа в классах, не

⁶Для удобства представления языковых данных в настоящей статье мы будем выделять аномальный показатель множественного числа, не выражающий признак числа обладаемого, прямоугольной рамкой [-er], [-ner], и т. д.).

связанных напрямую ни с выражением двойственного числа, ни с выражением принадлежности.⁷ К примеру, в мушском, алашкертском и ряде других диалектов существует целый набор архаичных показателей множественного числа (12), и в их распределении налицо корреляция между присутствием *-vi* (реже *-(e)r*) и односложностью основы.

- (12) Архаичные показатели множественного числа в мушском диалекте [8, с. 75-79]

PL	>1σ	1σ
-ank'	–	iš(-v)-an(k') geg-r-an(k') 'ослы' 'деревни'
-dank' (<-di-ank')	hənger-dan(k')	tir-və-dan(k')
	'друзья'	'хозяева'
-dik' (<-di-k')	axpər-dik'	tal-və-dik'
	'братья'	'золовки'

Традиционная армянская диалектология описывает эти показатели как номорфемные единицы, опираясь на их синхронную непрозрачность и крайнюю непродуктивность [13, 8]. Тем не менее, данные таблицы (12) показывают, что как минимум диахронически эти показатели множественного числа устроены сложно и, скорее всего, отражают множественные циклы «плюрализации» в духе цикла Есперсена [25, с. 4], когда более старые показатели теряют функциональную нагрузку и уступают новым показателем, при этом физически оставаясь в составе форм.⁸

Таким образом, то, что в таблице (12) ретроспективно выглядит как вставление эпентетического *-vi* перед показателем множественного числа, можно представить себе как результат действия диахронического сценария, в котором на первом этапе *-vi* присоединяется к односложным основам, а *-di* – ко многосложным, на втором этапе *-vi* угасает, а *-di* расширяет свою сферу действия, а

⁷Это, по-видимому, указывает на более раннее распределение *-vi* как одного из показателей множественного числа при односложных основах в период до того, как этот показатель стал специализироваться на маркировании только парных предметов.

⁸Ср. классический контраст в романских языках: напр., исп. *Historia-s para no dormir* [история-PL для NEG спать-INF] 'Истории, которые не дадут вам уснуть', где используется единичное отрицание, и фр. *Histoire-s pour ne pas dormir* [история-PL для NEG NEG спать-INF] с двойным показателем отрицания, где первое *ne* является орнаментальным показателем.

на третьем этапе угасает и *-di*, уступая показателю *-ank'*. Схематически этот процесс представлен в таблице (13).

(13) Циклы «плюрализации» в архаических формах мушского диалекта

этап 1	этап 2	этап 3
iš-vi 'ослы' →	iš-vi →	iš-v- ank'
tir-vi 'хозяева' →	tir-və- di →	tir-və-d- ank'
(h)ənger-di 'друзья' →	(h)ənger- di →	(h)ənger-d- ank'

В современном мушском диалекте зафиксирован ещё один цикл «плюрализации», в результате которого архаичные формы получают дополнительный продуктивный показатель *-ner*: *ji(-v)-ank'-ner* 'лошади', *tir-və-d-ank'-ner* 'хозяева' [8, с. 79]. Наличие эпентетического показателя множественного числа в притяжательных формах, вероятно, является результатом аналогичного многоступенчатого процесса.

Для теоретического осмысления диахронии эпентетических показателей числа в западноармянском языке следует ответить на два вопроса. Во-первых, вышеупомянутый сценарий появления сложных показателей множественного числа не объясняет, почему на этапе расширения действия одного из исходных показателей (*-di* или *-ni*) не происходит прямого замещения существующего алломорфа (*tir-vi* [хозяин-PL] → *tir-di*), а происходит именно наращение (*tir-vi* → *tir-və-di*). Ответить на этот вопрос сложно, и современные формальные подходы [3, 4] просто постулируют, что некоторые показатели могут иметь устойчивые фонологические ограничения на сочетаемость с основами.

Для сценария в (13) это значило бы, что на первом этапе *-vi* и *-di* были фонологически распределены, а на втором этапе *-vi* перестал быть продуктивным показателем множественного числа *при сохранении* фонологического ограничения у теперь уже основного показателя *-di*, а именно, что он не присоединяется к односложным основам. Это бы подтолкнуло *-di* к использованию орнаментального или просто непродуктивного показателя *-vi* в качестве расширителя основы (14, этап 2, сценарий А). Если бы ограничение было утрачено, *-di* стал бы просто суффиксом множественного числа по умолчанию (14, этап 2, сценарий Б).

(14) Сценарии эволюции показателя множественного числа *-di*

	этап 1	этап 2 (сценарий А)	этап 2 (сценарий Б)
алломорфы	[+PL] ↔ vi / =1σ__ [+PL] ↔ di / >1σ__	[+PL] ↔ vi / =1σ__ [+PL] ↔ di / >1σ__	[+PL] ↔ vi / =1σ__ [+PL] ↔ di
порождаемые	tir-vi	tir-və-di	tir-di
формы	(h)ənger-di	(h)ənger-di	(h)ənger-di

Таким образом, наличие у показателей множественного числа и притяжательного *-ni* стабильного фонологического ограничения на присоединение к односложным основам можно считать главным фактором, повлиявшим на возникновение аномальных показателей множественного числа. По этой же причине мы их описываем как *эпентетические*, так как их вставление служит для удовлетворения фонологического ограничения на присоединение другой морфемы. Такие показатели оказываются своего рода расширителями основы, которые не несут с собой наблюдаемых интерпретационных эффектов.

Интересным образом ключевую роль фонологического ограничения подчёркивают и падежные парадигмы западноармянского языка. В малатийском, тигранакертском и в ряде других диалектов взаимное расположение именных показателей зависит от падежа [23, 26]. Обычно падежный показатель встречается между показателями числа и лица обладателя, но в инструменталисе он предшествует сразу обоим показателям принадлежности (15).

(15) Склонение существительных со множественным числом обладателя в малатийском диалекте (на примере *k'irk'* ‘книга’) [23, с. 106]

	ЕД. Ч.	МН. Ч.
НОМ	k'irk'[-er]-ni-s ‘наша книга’	k'irk'-er-ni-s ‘наши книги’
РОД-ДАТ	k'irk'[-er]-n-u-s	k'irk'-er-n-u-s
АБЛ	k'irk'[-er]-n-e-s	k'irk'-er-n-e-s
ИНСТ	k'irk'-ok'-ni-s	k'irk'-er-ok'-ni-s

Возможность инверсии порядка следования суффиксов создает ситуацию, при которой в инструменталисе *-ni* всегда присоединяется ко многосложной основе. Для форм единственного числа существительного это означает, что нет необходимости использовать эпентетический показатель числа. Однако в формах множественного числа показатель *-er* стабильно присутствует во всех

падежных формах, так как он не является эпентетическим и выражает признак числа обладаемого.

Второй релевантный для диахронического разреза вопрос состоит в том, насколько членимы на синхронном уровне показатели числа обладателя с морфологической эпентезой и архаичные показатели множественного числа, рассмотренные выше. В этом отношении оказывается информативным взаимодействие между этими двумя типами показателей в тех диалектах, где они оба имеются, скажем, в малатийском или тигранаkertском [23, 26]. Именные парадигмы этих диалектов указывают на синхронную членимость обоих типов показателей множественности (16) вопреки тому, что в традиционных описаниях они часто описываются как мономорфемные элементы *-erni* и *-vəni*.

- (16) Притяжательные формы у односложных основ разных типов в малатийском диалекте [23, с. 104-105]

1σ -er		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	hac'-əs	hac'-er-əs
	‘мой обед/хлеб’	‘мои обеды/хлеба’
[МН.Ч. обл.]	hac'[-er]-ni-s	hac'-er-ni-s
	‘наш обед/хлеб’	‘наши обеды/хлеба’

1σ -və		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	c'aɪk'-əs	c'aɪk'-və-ner-əs
	‘моя рука’	‘мои руки’
[МН.Ч. обл.]	c'aɪk'[-və]-ni-s	c'aɪk'-və-ner-ni-s
	‘наша рука’	‘наши руки’

В таблице (16) сравнивается обычный тип односложных основ, с которыми сочетается показатель *-er*, и специальный тип существительных парного типа, присоединяющих сложный показатель *-və-ner*. Показатель множественности обладателя *-ni* присоединяется с помощью эпентетического суффикса *-er* или *-və*, который выбирается в зависимости от типа основы, а не всегда *-er-ni*, как было бы, если бы *-erni* был нечленим. Также и в классе существительных, присоединяющих *-və-ner*, используется только первая (эпентетическая) часть

показателя, а не весь показатель, как было бы в случае нечленимости *-vəner*.

Таким образом, морфологическая эпентеза вполне может считаться синхронным процессом в западноармянском языке, по крайней мере, в малатийском и тигранакертском диалектах. Представленные выше данные относительно морфологического маркирования принадлежности можно обобщить следующим образом:

- (17) В западноармянском языке особый показатель *-ni*, маркирующий множественность обладателя, не присоединяется к односложным основам, и это фонологическое ограничение удовлетворяется либо инверсией падежного показателя (если это возможно), либо вставлением эпентетического показателя множественного числа.

В сформулированном виде этот морфологическое явление представляет немалый теоретический интерес, с одной стороны, потому что является ярким примером нарушения знаковой природы морфемы, а с другой – потому что армянский язык использует довольно существенные морфологические ресурсы для удовлетворения локального просодического ограничения, которое гипотетически могло бы быть решено с помощью фонологической эпентезы (вставления [ə]), и так играющей активную роль в армянской грамматике.

Ниже мы разберём существующие подходы к теоретическому осмыслению этого феномена, а в разделе 3 исследуем судьбу притяжательных форм со множественным числом обладателя в восточноармянском языке.

Формальные подходы к западноармянскому языку

Западноармянские притяжательные формы синтетического типа подробнее всего исследовались в рамках реализационных теорий морфологии, в особенности распределённой морфологии (Distributed Morphology, DM). Выбор подхода в этом случае вполне естественен, так как формальное воплощение обобщения (17) требует достаточно гибкой модели, в которой фонологические свойства показателя множественного числа обладателя могут нетривиальным образом взаимодействовать с более абстрактными компонентами грамматической деривации. Такими компонентами может быть установление линейного порядка морфем или операции на отдельных морфемах, например, их удвоение, удаление или же замещение отдельных признаков.

Подробное обсуждение принципов и обоснований теории распределённой морфологии за нехваткой места мы оставляем за пределами рассмотрения настоящей статьи и отсылаем к ряду ключевых работ последних лет [21, 22, 27]. Отметим лишь, что важнейшей особенностью этой модели является отхождение от классического представления морфемы как минимальной пары ⟨смысл, форма⟩. Морфемы по-прежнему остаются минимальными единицами – в случае этой теории – построения синтаксической структуры, но представляют из себя наборы абстрактных морфосинтаксических признаков, выступающих посредником между смыслом и формой. Так, с одной стороны, определённый набор морфосинтаксических признаков может иметь более одной контекстно заданной семантической интерпретации, а с другой – может иметь более одной фонологической реализации или вовсе её не иметь. При этом выбор между контекстными вариантами этих двух типов будет происходить независимо.

Вышеуказанный подход требует модульной архитектуры грамматики, где на каждом этапе происходят процессы, свойственные только текущему модулю, а взаимодействие между модулями ограничено. Для наглядности проиллюстрируем поэтапное построение языковых выражений в рамках архитектуры распределённой морфологии на примере вывода форм западноармянских существительных с единственным числом обладателя (18).

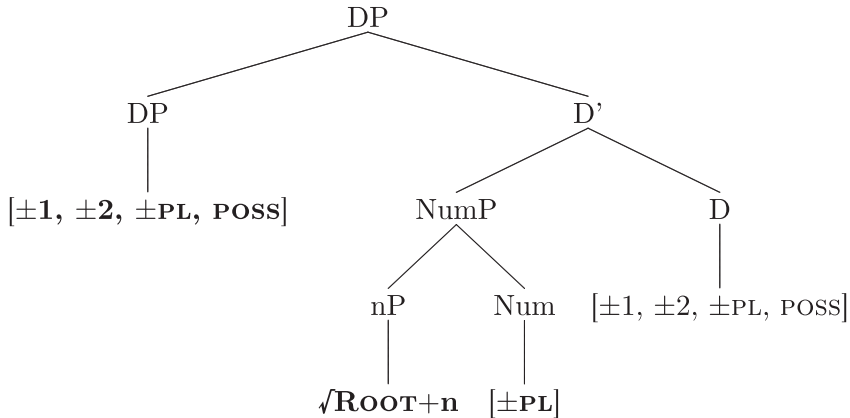
- (18) Притяжательные формы существительных с единичным обладателем в западноармянском языке (малатийский диалект [23, с. 104-105])

		a	b	c
ЕД. Ч.	1	hac'-əs 'мой хлеб/обед'	c'aɪk'-əs 'моя рука'	k'ini-s 'моё вино'
	2	hac'-ət' 'твой хлеб/обед'	c'aɪk'-ət' 'твоя рука'	k'ini-t' 'твоё вино'
	3	hac'-ə(n) 'его/её хлеб/обед'	c'aɪk'-ə(n) 'его/её рука'	k'ini-n 'его/её вино'
МН. Ч.	1	hac'-er-əs 'мои хлеба/обеда'	c'aɪk'-və-ner-əs 'мои руки'	k'ini-ner-əs 'мои вина'
	2	hac'-er-ət' 'твои хлеба/обеда'	c'aɪk'-və-ner-ət' 'мои руки'	k'ini-ner-ət' 'твои вина'
	3	hac'-er-ə(n) 'его/её хлеба/обеда'	c'aɪk'-və-ner-ə(n) 'его/её руки'	k'ini-ner-ə(n) 'его/её вина'

Основания анализа

На *первом этапе* в синтаксисе из лексических элементов и наборов функциональных морфосинтаксических признаков на вершинах проекций собирается иерархическая структура именной группы (DP) (19).

- (19) Структура притяжательной именной группы (с местоименным обладателем) в армянском языке (упрощённый вариант)

Так, сначала именная вершина (n) сочетается с корнем ($\sqrt{\text{Root}}$) для формирования ядерного лексического значения. Далее эта структура сочетается с числовой вершиной (Num), для которой мы для наших целей определим простой бинарный признак $[\pm\text{PL}]$, т.е., единственности или множественности денотата. Следом идёт проекция вершины D, отвечающая за референциальность и определённость, а также где, согласно гипотезе о схожести базовой армянской структуры DP с тюркской (см. анализ тюркских данных в [11, 12]), находится локус согласования с обладателем, размещающемся в спецификаторе DP. Согласование по категории принадлежности (а не, скажем, по указательности, что также происходит в ряде армянских диалектов) отмечается категориальным признаком $[\text{POSS}]$, число обладателя – уже знакомым признаком $[\pm\text{PL}]$, а лицо обладателя – комбинацией бинарных признаков $[\pm 1]$ (говорящий) и $[\pm 2]$ (слушающий). Набор $[-1, -2]$ (не говорящий и не слушающий), таким образом, кодирует принадлежность третьему лицу.

После сборки синтаксическая структура (19) передаётся на интерфейсы: в модуль, где она считывается интерпретационным компонентом⁹ (интерпрети-

⁹Обсуждение интерпретационного модуля выходит за пределы рассмотрения статьи, но

руемые признаки выделены жирным шрифтом), и в модуль, отвечающий за подготовку к передаче линейного языкового сигнала (фонологический компонент).

В самой упрощённой версии такого перехода к фонологическому компоненту на *втором этапе* вершины внутри DP объединяются в одну морфологическую единицу и складываются в линейную последовательность морфосинтаксических признаков (20).

- (20) Линейная форма именных вершин армянской DP, полученная в результате упорядочивания иерархической структуры в (19)

$$\sqrt{\text{ROOT}+n} \prec^{10} [\pm\text{PL}] \prec [\pm 1, \pm 2, \pm\text{PL}, \text{POSS}]$$

Далее следует *третий этап*, к которому непосредственно относится проблематика западноармянского материала. Этот этап разбивается на два подуровня – (а) уровень абстрактных операций, на вход получающих набор признаков и возвращающих набор или несколько наборов признаков, и (б) уровень операций фонологической реализации, на вход получающих набор признаков и возвращающих пары вида ⟨набор признаков, фонологическая реализация⟩.

Для того, чтобы из линейной формы в (20) получить парадигму в (18), необходимо задать словарь реализаций (алломорфов) каждого из наборов признаков и при необходимости указать правила, ответственные за операции на признаках. Поскольку циклы фонологической реализации в распределённой морфологии направлены вовне словоформы (в иерархических терминах, вовне структуры), следует начать с реализаций лексического ядра:

- (21) Инвентарь фонологических реализаций лексического ядра для малатийских форм из таблицы (18)

$$\sqrt{\text{РУКА}+n} \leftrightarrow \text{с'аrk'}_a$$

$$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n} \leftrightarrow \text{hac'}$$

$$\sqrt{\text{ВИНО}+n} \leftrightarrow \text{k'ini}$$

читатель может ознакомиться с проблематикой на материале западноармянского языка в работе А. Бейла и Г. Ханджияна [28].

¹⁰Символ $\prec$ здесь следует понимать как отношение непосредственного предшествования.

Утверждения типа $A \leftrightarrow B$ в (21) следует читать как «добавить к набору признаков A фонологическую реализацию B ». Процесс вывода словоформ мы покажем на примере наиболее морфологически нетривиального элемента парадигмы в (18), а именно формы $c'aṛk'-və-ner-əs$ 'мои руки'. Первый шаг фонологической реализации схематически представлен в (22).

- (22) Фонологическая реализация малатийской формы $c'aṛk'-və-ner-əs$ 'мои руки' (третий этап, первый шаг)

$$\begin{array}{c} \sqrt{\text{РУКА}+n} \prec [+PL] \prec [+1, -2, -PL, \text{POSS}] \\ | \\ c'aṛk'_a \end{array}$$

Поскольку выводимая нами форма содержит два показателя множественного числа, на втором шаге вывода потребуется ввести правило удвоения набора признаков числа (23) в случае, если непосредственный левый контекст включает определённые лексические элементы: в нашем случае – $c'aṛk'$ 'рука', но также и другие, например, $ač'k'$ 'глаз', tur 'дверь', и т. д. Этот класс левых контекстов мы для удобства представления будем отмечать диакритическим символом $_a$.

- (23) Правило удвоения показателя множественного числа в малатийском диалекте

$$[+PL] \rightarrow [+PL] \prec [+PL] / _a _ _$$

Данное абстрактное правило имеет приоритет над утверждениями, относящимися к фонологической реализации показателя множественного числа, а его применение возвращает следующий результат:

- (24) Фонологическая реализация малатийской формы $c'aṛk'-və-ner-əs$ 'мои руки' (третий этап, второй шаг)

$$\begin{array}{c} \sqrt{\text{РУКА}+n} \prec [+PL] \prec [+PL] \prec [+1, -2, -PL, \text{POSS}] \\ | \\ c'aṛk'_a \end{array}$$

Далее следует фонологическая реализация показателей множественного числа. Оба раза заполнение осуществляется из одного и того же списка потен-

альных реализаций (алломорфов), заданных в (25) и находящихся между собой в конкуренции.

- (25) Инвентарь фонологических реализаций числовой вершины для форм из таблицы (18):

$$\begin{aligned} [+PL] &\leftrightarrow v\emptyset / a_ \\ [+PL] &\leftrightarrow er / =1\sigma^{11}_ \\ [+PL] &\leftrightarrow ner / >1\sigma_ \\ [\quad] &\leftrightarrow \emptyset \end{aligned}$$

Список алломорфов иллюстрирует собой один из фундаментальных принципов задания фонологической реализации в распределённой морфологии, а именно возможность неполной спецификации признаков, когда две фонологических реализации конкурируют за один и тот же набор признаков X , если они обе специфицируют какое-то *подмножество* признаков X . Выигрывает та реализация, которая указывает на наибольшее подмножество признаков X . В случае алломорфов показателя множественного числа, рассмотренных в (25), это правило выполняется тривиальным образом, так как фонологические реализации либо указывают на всё множество X , либо же на пустое подмножество признаков. Так, сразу отсеивается нулевая реализация $[\quad] \leftrightarrow \emptyset$, которая используется для фонологической реализации единственного числа ($[-PL]$) и, шире, любого другого набора признаков, не имеющего никакой более подходящей реализации.

Среди оставшихся алломорфов собственно набора признаков множественного числа выбирается тот, у которого наиболее узко задан непосредственный контекст реализации. Побеждает алломорф $[+PL] \leftrightarrow v\emptyset / a_$ (26), который задает непосредственный левый контекст с точностью до конкретных последовательностей фонем (список именных основ), а не $[+PL] \leftrightarrow er / =1\sigma_$ или $[+PL] \leftrightarrow ner / >1\sigma_$, которые оперируют лишь числом слогов основы, к которой они присоединяются (26).

¹¹Сокращение $=1\sigma$ обозначает односложную основу, а сокращение $>1\sigma$ – многосложную.

- (26) Фонологическая реализация малатийской формы *c'arik'-və-ner-əs* 'мои руки' (третий этап, третий шаг)

$$\begin{array}{ccccccc} \sqrt{\text{РУКА}+n} & \prec & [+PL] & \prec & [+PL] & \prec & [+1, -2, -PL, POSS] \\ | & & | & & & & \\ c'arik'_a & & v\text{ə} & & & & \end{array}$$

На следующем шаге вывода происходит реализация такого же набора признаков, но $[+PL] \leftrightarrow v\text{ə} / a_ _$ уже не может быть использован, так как *-və* не является частью вышеуказанного списка основ (и не несёт диакритического символа *a*). Таким образом, выбирается алломорф, наиболее подходящий по слоговому критерию:

- (27) Фонологическая реализация малатийской формы *c'arik'-və-ner-əs* 'мои руки' (третий этап, четвертый шаг)

$$\begin{array}{ccccccc} \sqrt{\text{РУКА}+n} & \prec & [+PL] & \prec & [+PL] & \prec & [+1, -2, -PL, POSS] \\ | & & | & & | & & \\ c'arik'_a & & v\text{ə} & & ner & & \end{array}$$

Далее остаётся лишь один набор признаков, требующий реализации, а именно притяжательный показатель, чьи алломорфы представлены в списке (28).

- (28) Инвентарь алломорфов лица обладателя из таблицы (18):

$$\begin{array}{l} [+1, -2, POSS] \leftrightarrow s \\ [-1, +2, POSS] \leftrightarrow t' \\ [-1, -2, POSS] \leftrightarrow n \end{array}$$

Учитывая признаковое наполнение последнего набора, пятый шаг вывода словоформы *c'arik'-və-ner-əs* 'мои руки' имеет следующий вид:

- (29) Фонологическая реализация малатийской формы *c'arik'-və-ner-əs* 'мои руки' (третий этап, пятый шаг)

$$\begin{array}{ccccccc} \sqrt{\text{РУКА}+n} & \prec & [+PL] & \prec & [+PL] & \prec & [+1, -2, -PL, POSS] \\ | & & | & & | & & | \\ c'arik'_a & & v\text{ə} & & ner & & s \end{array}$$

На этом этап фонологической реализации завершён, так как все морфемы словоформы получили своё выражение. Следует отметить, что наш подход к выводу форм с единичным обладателем в целом следует логике, представленной в более ранних работах по теме [3, 4]. Сводный список правил и фонологических реализаций представлен в (30).

- (30) Сводный список правил для вывода притяжательных форм с единичным обладателем малатийского диалекта:

	$\sqrt{\text{Root}+n}$	$[\pm\text{PL}]$	$[\pm 1, \pm 2, \pm\text{PL}, \text{POSS}]$	
a)		$[+\text{PL}] \rightarrow [+\text{PL}] \prec [+\text{PL}] / a_ _$		
b)	$\sqrt{\text{РУКА}+n} \leftrightarrow c'aik'_a$	$[+\text{PL}] \leftrightarrow v\emptyset / a_ _$	$[+1, -2, \text{POSS}] \leftrightarrow s$	$[] \leftrightarrow \emptyset$
	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n} \leftrightarrow hac'$	$[+\text{PL}] \leftrightarrow er / 1\sigma_ _$	$[-1, +2, \text{POSS}] \leftrightarrow t'$	
	$\sqrt{\text{ВИНО}+n} \leftrightarrow k'ini$	$[+\text{PL}] \leftrightarrow ner$	$[-1, -2, \text{POSS}] \leftrightarrow n$	

После вставления фонологических реализаций – на *четвёртом этапе* – возможно применение более поздних операций, таких как вставление эпентетического гласного, гаплогия и ряд более поверхностных фонологических процессов. Для окончательного вывода нашей формы на данном этапе нам понадобится только эпентетический гласный, появляющийся перед показателем лица обладателя после основы на согласный исход:

- (31) Фонологическая реализация малатийской формы $c'aik'-v\emptyset-ner-\emptyset s$ ‘мои руки’ (четвёртый этап)

$$\begin{array}{ccccccc}
 \sqrt{\text{РУКА}+n} & \prec & [+\text{PL}] & \prec & [+\text{PL}] & \prec & [+1, -2, -\text{PL}, \text{POSS}] \\
 | & & | & & | & & | \\
 c'aik'_a & & v\emptyset & & ner & & [\emptyset]s
 \end{array}$$

Следует отметить, что этот процесс *ещё чувствителен к морфемным границам* в отличие от обычного для армянского языка ещё более позднего процесса вставления эпентетического гласного [ə], разбивающего запрещённые скопления согласных и чувствительного только к надсегментной структуре слова (*пятый этап*, см. подробное обсуждение проблемы в [16, 24]). Различие между двумя процессами легко проиллюстрировать с помощью минимальной пары, состоящей, например, из мономорфемной основы $sart'$ ‘паук’, которая демонстрирует, что $[rt^h]$ является допустимым исходом слога, и $sar-[\emptyset]t'$, притяжательной формы второго лица существительного sar ‘гора’, которая, в свою очередь,

демонстрирует обязательность вставления эпентетического гласного на морфемной границе между основой на согласный и показателем принадлежности.

Итак, выше мы вкратце обсудили пять основных этапов морфологического вывода в распределённой морфологии, а именно этапы I) синтаксической деривации, II) группирования и упорядочивания вершин, III) фонологической реализации, а также IV) морфонологических и V) собственно фонологических процессов. Мы также проиллюстрировали, как происходит вывод притяжательных форм существительных с единичным обладателем в западноармянском языке. Главный вопрос, который стоит перед нами теперь – это как моделировать более нетривиальные формы со множественным обладателем.

Морфология множественного числа обладателя

В морфологической литературе выделяется три основных подхода к анализу западноармянских притяжательных форм со множественным обладателем. В теоретическом плане главное различие между ними состоит в оценке последствий для устройства армянской морфологии, которые диктуют представленные выше данные. Самый бесхитростный подход – мономорфемный, обычно встречающийся в грамматических описаниях диалектов. В нём аномалии маркирования множественного числа моделируются на уровне отдельных алломорфов показателя множественности обладателя. Более абстрактный подход, предлагаемый Арреги и др. [4] и разделяемый нами в настоящей работе, постулирует морфологическое правило, создающее дополнительный локус фонологической реализации для показателя множественного числа обладателя. Самый же смелый подход принят в анализе М. Вольфа [3], в котором возможность вставления эпентетического показателя множественного числа выносится на уровень глобального устройства постсинтаксического компонента армянской грамматики. Ниже предлагается более детальное рассмотрение этих трёх идей.

Порядок морфем

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу реализации множественного числа обладателя, следует уточнить два принципиальных вопроса, относящихся ко всем трём подходам. Во-первых, в исходной синтаксической структуре (19) и её линейной форме (20) имеется лишь один набор признаков, ответственный за выражение притяжательности, в то время, как в формах со множественным

обладателем наблюдается сразу два показателя, значит, и соответствовать им должны два набора. Решить этот вопрос можно с помощью правила расщепления. Согласно логике анализа, представленного выше, вершина проекции DP получает значения признаков обладателя из спецификатора путём согласования, но позже, в морфологическом компоненте, происходит их расщепление на два соседствующих набора при наличии множественного числа обладателя (32).

(32) Правило расщепления показателя принадлежности в армянском языке

$$[\dots, +\text{PL}, \text{POSS}] \rightarrow [+ \text{PL}, \text{POSS}] \prec [\dots, \text{POSS}]$$

Второй вопрос касается относительного порядка следования показателей принадлежности и падежа. Как было показано выше на материале парадигм малатийского диалекта (15), порядок следования морфем в притяжательных формах варьируется в зависимости от падежа:

(33) Порядок следования морфем в притяжательных формах малатийского диалекта (15)

- а) $\sqrt{\text{Книга}+n} \prec [\pm \text{PL}] \prec [+ \text{PL}, \text{POSS}] \prec [\text{DAT}] \prec [\pm 1, \pm 2, \text{POSS}]$
 $\sqrt{\text{Книга}+n} \prec [\pm \text{PL}] \prec [+ \text{PL}, \text{POSS}] \prec [\text{ABL}] \prec [\pm 1, \pm 2, \text{POSS}]$
 б) $\sqrt{\text{Книга}+n} \prec [\pm \text{PL}] \prec [\text{INS}] \prec [+ \text{PL}, \text{POSS}] \prec [\pm 1, \pm 2, \text{POSS}]$

При порядке (33а) показатель падежа встречается между показателями принадлежности, а при порядке (33б) – предшествует обоим. Решением такой проблемы стало бы правило перестановки, которое бы меняло местами показатели множественности обладателя и падежа, скажем, в форме инструменталиса. Ровно такое решение принято в работе Арреги и др. [4]: оно основывается на идее, что порядок, встречающийся в двух неинструментальных формах, является исходным. На наш же взгляд, разрывный порядок (33а) типологически крайне нетипичен, и к тому же не вполне совместим с нашим анализом, в котором постулируется расщепление набора признаков принадлежности надвое.

При нашем подходе исходных порядков (после расщепления) может быть два (34):

(34) Возможные исходные порядки следования морфем в притяжательных формах малатийского диалекта (15)

- а) $\sqrt{\text{Книга}+n} \prec [\pm\text{PL}] \prec [+PL, \text{POSS}] \prec [\pm 1, \pm 2, \text{POSS}] \prec [\text{ПАДЕЖ}]$
 б) $\sqrt{\text{Книга}+n} \prec [\pm\text{PL}] \prec [\text{ПАДЕЖ}] \prec [+PL, \text{POSS}] \prec [\pm 1, \pm 2, \text{POSS}]$

Сказать, какой из них наиболее вероятен, сложно, поскольку имеется очень мало независимых данных, позволяющих эти варианты сравнить. В качестве рабочей гипотезы мы примем порядок (34б), так как он соответствует поверхностному порядку морфем хоть в каких-то зафиксированных формах западно-армянского языка и требует лишь одного правила перестановки, в то время как (34а) описывает не зафиксированный в настоящих формах порядок, так что его принятие потребовало бы сразу двух правил перестановки.

Таким образом, по нашей рабочей гипотезе, перестановка происходит в дативе, аблативе и, возможно, в номинативе (35), а в инструменталисе как раз проявляется исходный порядок морфем.

(35) Правило перестановки показателей падежа и множественного числа обладателя в малатийском диалекте

$$[\dots, -\text{INS}] \prec [+PL, \text{POSS}] \rightarrow [+PL, \text{POSS}] \prec [\dots, -\text{INS}]$$

С этими аналитическими решениями совместимы все три имеющихся в литературе подхода к фонологической реализации западноармянских притяжательных морфем, поскольку явление, которое они призваны объяснить, локализовано на более позднем этапе вывода морфологических форм.

Мономорфемный подход

Основное положение этого подхода, имплицитно принятого в большинстве диалектных описаний и ряде общих работ по именной морфологии армянского языка, состоит в том, что последовательности типа *-vəni* или *-erni* считаются мономорфемными элементами (*zuyg hognakert* ‘парный показатель множественного числа’ [13, с. 235]). Здесь мы предлагаем его формальную имплементацию. Поскольку указанные выше правила задают все необходимые нам порядки морфем (33), для построения «традиционного» анализа нужно только добавить к показателям числа фонологические реализации набора $[+PL, \text{POSS}]$ (36).

- (36) Список фонологических реализаций числа в малатийском диалекте (монормфемный подход):

$$\begin{aligned}
 [+PL, POSS] &\leftrightarrow v\acute{e}ni / a_ \\
 [+PL, POSS] &\leftrightarrow erni / =1\sigma_ \\
 [+PL, POSS] &\leftrightarrow ni / >1\sigma_ \\
 [+PL] &\leftrightarrow v\acute{e} / a_ \\
 [+PL] &\leftrightarrow er / =1\sigma_ \\
 [+PL] &\leftrightarrow ner / >1\sigma_ \\
 [] &\leftrightarrow \emptyset
 \end{aligned}$$

В приведённой системе фонологическое ограничение на сочетаемость *-ni* с односложными основами на синхронном уровне не активно, при этом его рефлексы *-erni*, *-v\acute{e}ni* и *-ni* являются отдельными алломорфами и напрямую конкурируют между собой за реализацию одного и того же набора признаков.

Несмотря на то, что в последних теоретических работах по западноармянским притяжательным формам монормфемный подход не обсуждается, у него есть две сильные стороны, которые не позволяют его полностью списать со счетов. Во-первых, технически он достаточно просто устроен и при этом без труда выводит все обсуждаемые в настоящей работе формы малатийского диалекта. В качестве наглядного примера ниже приводится вывод формы с эпендетическим показателем множественного числа *hac* -er *-ni-s* ‘наш хлеб’:

- (37) Вывод эпендетического показателя числа в форме *hac* ‘-er-ni-s’ ‘наш хлеб’, монормфемный подход

Шаг 1	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[-PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	hac’			
Шаг 2	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[-PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	hac’	$\emptyset$		
Шаг 3	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[-PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	hac’	$\emptyset$	erni	
Шаг 4	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[-PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	hac’	$\emptyset$	erni	s

Во-вторых, мономорфемный подход позволяет объяснить поведение показателей множественного числа обладателя в ряде армянских диалектов, где, по-видимому, наблюдается переразложение и распространение сложного показателя *-er-ni*, использующегося при односложных основах, на другие типы:

- (38) Взаимодействие выражения множественности обладателя с числом существительного в вайоцзорском диалекте (неустановленная разновидность) [10, с. 38-39]

=1σ осн.		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	ej-ə s	ej-er-ə s
	‘моя коза’	‘мои козы’
[МН.Ч. обл.]	ej[-er]- ni-s	ej-er- ni-s
	‘наша коза’	‘наши козы’
>1σ, V# осн.		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	xənami- s	xənam-ek’-ə s
	‘мой свояк’	‘мои свояки’
[МН.Ч. обл.]	xənam[-er]- ni-s	xənam-ek’- ni-s
	‘наш свояк’	‘наши свояки’

Так, в парадигме (38) эпентетический показатель *-er* участвует в образовании притяжательных форм обоих типов основ, что нетипично, так как существительное *xəpati* ‘сваяк’ принадлежит к классу многосложных основ на гласный и сочетается только с показателем множественного числа *-ek’* [10, с. 37]. Мономорфемный анализ *-er-ni* как сложного показателя (*-erni*), маркирующего множественность обладателя в формах единственного числа существительного, позволил бы компактно описать распределение алломорфов числа в этой разновидности вайоцзорского диалекта.

Аналогичным образом в джрабердском говоре карабахского диалекта сложный показатель *-ərne* присоединяется ко всем продуктивным типам основ, как ко многосложным, так и к двум основным типам многосложных основ – на гласную и на согласную:

- (39) Взаимодействие множественности обладателя с числом существительного в джрабердском говоре [13, с. 240-241]

	ЕД. Ч.	МН. Ч.	МН. Ч. ОБЛ.
$=1\sigma$	ton	tən-er	tən-ərne-t
	дом	дом-PL	дом-PL.POS-2.POS
$>1\sigma, V\#$	lūzi	lūzv-ik'	lūzv-ərne-t
	язык	язык-PL	язык-PL.POS-2.POS
$>1\sigma, C\#$	kəlōx	kəlχə-ne	kəlχ-ərne-t
	голова	голова-PL	голова-PL.POS-2.POS

При этом, в общем случае мономорфемный анализ обладает двумя существенными недостатками. Во-первых, локализация рефлексов фонологического ограничения в списке алломорфов числа подразумевает отсутствие в системе более абстрактных манипуляций с наборами признаков, однако именно их наличие позволит нам ниже описать переход от западноармянской системы к восточноармянской. Во-вторых, этот подход игнорирует членимость сложных показателей, и уже в списке (36) видна его склонность к накоплению избыточных фонологических реализаций. Если в случае малатийского диалекта имеются только две дублирующих друг друга пары $-və/-vəni$ и $-er/-erni$, то в диалекте с большим набором алломорфов числа количество таких пар будет значительно выше.

Двухкомпонентный подход

По сути, этот подход состоит в оптимизации списка (36) за счёт введения абстрактного морфологического правила, удваивающего показатель множественности обладателя и, таким образом, создающего дополнительный локус фонологической реализации показателя множественного числа из основного списка (25). Он изначально представлен в работе Арреги и др. [4], которая покрывает данные западноармянского литературного языка, идентичные рассматриваемым нами парадигмам малатийского диалекта. Согласно их исходному анализу, показатель множественности обладателя удваивается в случае, если следует непосредственно за односложной основой (40):

- (40) Правило удвоения показателя множественности обладателя в западно-армянском языке [4, с. 13]

$$[+PL, POSS] \rightarrow [+PL, POSS] \prec [+PL, POSS] / 1\sigma _ _$$

При двухкомпонентном подходе морфологическая эпентеза (17) также не моделируется напрямую. Её рефлексом является морфологическое правило, которое применяется к показателю множественности обладателя до его непосредственной фонологической реализации. На следующем этапе из двух копий набора признаков множественности обладателя первая получает реализацию обычного показателя множественного числа (напр., *-er*, *-və*), а вторая – специального *-ni*. Такой результат может быть обеспечен уже введёнными нами ранее алломорфами. Вот оптимизированный список:

- (41) Список фонологических реализаций числа в малатийском диалекте (двухкомпонентный подход):

$$\begin{aligned} [+PL, POSS] &\leftrightarrow ni / >1\sigma _ _ \\ [+PL] &\leftrightarrow və / a _ _ \\ [+PL] &\leftrightarrow er / =1\sigma _ _ \\ [+PL] &\leftrightarrow ner / >1\sigma _ _ \\ [\quad] &\leftrightarrow \emptyset \end{aligned}$$

В системе, состоящей из правила (40) и списка алломорфов (41), фонологическое ограничение на сочетание *-ni* с односложными основами проявляется сразу в обоих компонентах. Интересно, что далее упростить систему через устранение фонологического контекста на вставление *-ni* оказывается невозможным. Всеми виной вариативный порядок показателей в падежных формах со множественным обладателем. Так, ранее были установлены два встречающихся в малатийском диалекте порядка следования морфем падежа и принадлежности (33). Для иллюстрации проблемы возьмём такой промежуточный шаг вывода двух притяжательных форм односложного существительного в единственном числе (например, *k'irk[-er]-n-u-s* [книга-PL-PL-DAT-1.POS] 'нашей книги' и *k'irk[-ok'-ni-s]* [книга-INS-PL-1.POS] 'нашей книгой'), на котором показатели принадлежности ещё не получили фонологических реализаций при обоих порядках:

- (42) Вывод притяжательных форм малатийского диалекта: единственное число существительного, множественный обладатель (15)

$$\begin{array}{ccccccc} \text{а) } \sqrt{\text{книга}+n} & \prec & [-\text{PL}] & \prec & [+PL, \text{POSS}] & \prec & [+PL, \text{POSS}] \prec [\text{DAT}] \prec [+1, \text{POSS}] \\ | & & | & & & & \\ \text{k'irk'} & & \emptyset & & & & \end{array}$$

$$\begin{array}{ccccccc} \text{б) } \sqrt{\text{книга}+n} & \prec & [-\text{PL}] & \prec & [\text{INS}] & \prec & [+PL, \text{POSS}] \prec [+1, \text{POSS}] \\ | & & | & & | & & \\ \text{k'irk'} & & \emptyset & & \text{ok'} & & \end{array}$$

В случае (42a) признаки множественности обладателя примыкают к односложной основе /k^hirk^h/, и применимо правило удвоения (40). В случае (42b) число обладателя примыкает к показателю падежа, что делает удвоение невозможным, и сохраняется один показатель. При этом только внешние наборы признаков [+PL, POSS] (отмечены жирным шрифтом) должны в итоге получить реализацию *-ni*, а тот, что ближе к корню (отмечен серым) – нет, так что полностью контекстно-свободным этот алломорф сделать нельзя. В исходной работе Арреги и др. [4, с. 13-14] предлагается следующий морфологический контекст для вставления *-ni*:

- (43) Фонологическая реализация показателя множественного числа обладателя в западноармянском языке, вариант Арреги и др. [4]

$$[+PL, \text{POSS}] \leftrightarrow \text{ni} / _ _ [\text{POSS}, \pm 1, \pm 2]$$

Это решение, однако, не даёт желательного результата, так как *-ni* в таком случае может появиться только в формах типа (42b). Более того, поскольку непосредственные контексты в (42a) и (42b) не пересекаются, принципиально невозможно за счёт морфологического контекста обеспечить распределение показателя *-ni* так, чтобы оно соответствовало наблюдаемым фактам. Единственное, что есть общего между контекстами в (42a) и (42b), это то, что *-ni* может примыкать только ко многосложным основам, и, таким образом, фонологическое ограничение не может быть заменено морфологическим.

Для удобства сравнения с другими анализами проиллюстрируем вывод в двухкомпонентном подходе уже рассмотренной ранее формой *hac* ‘-er’-*ni-s* ‘наш хлеб’:

(44) Вывод формы *hac'-er-ni-s* 'наш хлеб', двухкомпонентный подход Арреги и др. [4]

Шаг 1	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$ hac ^c	[−PL]	[+PL, POSS]	[+1, −2, POSS]	
Шаг 2	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$ hac ^c	[−PL] ∅	[+PL, POSS]	[+1, −2, POSS]	
Шаг 3	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$ hac ^c	[−PL] ∅	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[+1, −2, POSS]
Шаг 4	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$ hac ^c	[−PL] ∅	[+PL, POSS] er	[+PL, POSS]	[+1, −2, POSS]
Шаг 5	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$ hac ^c	[−PL] ∅	[+PL, POSS] er	[+PL, POSS] ni	[+1, −2, POSS]
Шаг 6	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$ hac ^c	[−PL] ∅	[+PL, POSS] er	[+PL, POSS] ni	[+1, −2, POSS] s

Следует отметить, что правило удвоения (40) рекурсивно, то есть условие на его применение не устраняется в результате удвоения показателя множественности обладателя. Так, если единичный набор $[+\text{PL}, \text{POSS}]$ не может примыкать к односложной основе, в удвоенном виде первый из двух получающихся идентичных наборов также не должен примыкать к односложной основе, что является условием для дальнейшего удвоения. При формальном воплощении такого анализа можно ограничить применение рекурсивных правил одним разом за цикл, но это, в свою очередь, ослабляет роль собственно фонологических соображений при синхронном объяснении удвоения показателя множественного числа и делает его, по сути, фонологически мотивированным морфологическим реликтом.

Квазиэпентетический подход

И более традиционный мономорфемный, и двухкомпонентный подходы в значительной степени отходят от буквальной имплементации эпентетических показателей числа как эпентетических в духе обобщения (17). Суть подхода, разработанного М. Вольфом [3], наоборот, состоит в том, чтобы перенести сферу действия морфологической эпентезы на синхронный уровень и позволить некоторым показателям множественного числа, таким как *-er* или *-və* (в случае

малатийского диалекта), реализовывать набор признаков, им не свойственный, а именно $[-PL]$. Таким образом, в системе М. Вольфа вместо удвоения набора признака множественного числа обладателя мы находим гибкую систему фонологической реализации признака числа существительного.

Эту гибкость, особенно, если учесть, что мы имеем дело с фонологическим ограничением на присоединение аффикса, естественно задать в рамках теории оптимальности, а именно её разновидности ОТ-СС (Optimality Theory with Candidate Chains) [29]. За нехваткой места для полного обзора теории мы отсылаем читателя к самой работе М. Вольфа [3], а ниже непосредственно сконцентрируемся на ключевом её компоненте – методе сравнения дериваций. В качестве примера мы будем использовать вывод формы $gov[-er]-ni-s$ ‘наша корова’, рассматриваемый в исходной работе. Для простоты будем считать, что за основу берётся линейная форма с уже имевшей место фонологической реализацией лексического ядра:

- (45) Вывод энпентетического показателя числа в форме $gov[-er]-ni-s$ ‘наша корова’, метод сравнения дериваций, шаг первый

$$\begin{array}{ccccccc} \sqrt{\text{КОРОВА}+n} & \prec & [-PL] & \prec & [+PL, POSS] & \prec & [+1, -2, POSS] \\ | & & & & & & \\ gov & & & & & & \end{array}$$

Общая идея подхода состоит в том, что иногда можно отложить решение о фонологической реализации определённого функционального набора признаков и параллельно пробовать несколько конкурирующих морфологических выводов, из которых один в итоге будет выбран как наиболее подходящий.

В случае западноармянских форм, на втором шаге пробуются все возможные фонологические реализации набора $[-PL]$, включающие как обычный для него нулевой показатель, так и все остальные показатели числа. При этом за отсеивание неоптимальных кандидатов ответственны (как минимум) два ограничения и один общий принцип. Ограничения требуют, чтобы (а) у каждого набора признаков была фонологическая реализация, хотя бы нулевая (Max-MM(FS)), и чтобы (б) значения признаков в фонологических реализациях и наборах признаков, к которым они применяются, соответствовали друг другу (Dep-MM(Feature)). Принцип отбора в свою очередь гласит, что можно отложить решение о выборе оптимального шага, если имеется несколько кан-

дидатов, у которых происходит фонологическая реализация одного и того же набора признаков, но при этом нарушаются разные наборы ограничений. Например, таблица оценки кандидатов на шаге выбора алломорфа множественного числа в нашем примере имеет следующий вид:

- (46) Вывод эпентетического показателя числа в форме *gov[-er]-ni-s* ‘наша ко-
рова’, метод сравнения дериваций, шаг второй [3, с. 155]

$\sqrt{1}\text{-SG}_2\text{-PL.POSS}_3\text{-1P}_4$ < $\sqrt{1}$, gov> gov	MAX-MM (FS)	DEP-MM ([PLURAL])
a. $\sqrt{1}\text{-SG}_2\text{-PL.POSS}_3\text{-1P}_4$ < $\sqrt{1}$, gov> gov	3	
b. $\sqrt{1}\text{-SG}_2\text{-PL.POSS}_3\text{-1P}_4$ < $\sqrt{1}$, gov>, <PL ₂ , əɾ> go.vər	2	1
c. $\sqrt{1}\text{-SG}_2\text{-PL.POSS}_3\text{-1P}_4$ < $\sqrt{1}$, gov>, <SG ₂ , Ø> gov	2	

В таблице (46) оценивается кандидат, у которого фонологической реализации не происходит (46а, он будет отсеян сразу так как нарушает Max-MM(FS) большее число раз), оптимальный на данном этапе кандидат с нулевой реализацией единственного числа (46с), а также некоторый промежуточный вариант, в котором единственное число попробовали маркировать показателем множественного числа *-er* (46b). Поскольку последние два кандидата участвуют в фонологической реализации одного и того же набора признаков числа, а также различаются с точки зрения набора ограничений, которые они нарушают¹², оба (46b-с) будут переданы на следующие шаги, а конкурирующие выводы будут сравнены позже.

В конечном итоге модель западноармянской грамматики можно устроить так, что победит вывод, включающий в себя неоптимального на текущем шаге кандидата (46b). Так, согласно М. Вольфу, при фонологической реализации показателей принадлежности решающую роль играет дополнительное фонологическое ограничение, запрещающее показателю *-ni* присоединяться к односложным основам (в таблице (47) – * $[\sigma.ni]$). Из двух кандидатов только форма *gov[-er]-ni-s* не нарушает этого высоко ранжированного ограничения:

¹²Кандидат (46b) нарушает оба Max-MM(FS) и Dep-MM(Feature), а (46с) – только Max-MM(FS).

- (47) Вывод эпентетического показателя числа в форме $gov[-er]-ni-s$ ‘наша корова’, метод сравнения дериваций, последний шаг [3, с. 157]

	*[σ.ni]	DEP-MM([PLURAL])
a. $\sqrt{1}-SG_2-PL.POSS_3-1P_4$ $\langle \sqrt{1}, gov \rangle, \langle PL_2, \partial r \rangle, \langle PL.POSS_3, ni \rangle \langle 1P_4, s \rangle$ $gov.v\partial r.nis$		1
b. $\sqrt{1}-SG_2-PL.POSS_3-1P_4$ $\langle \sqrt{1}, gov \rangle, \langle SG_2, \emptyset \rangle, \langle PL.POSS_3, ni \rangle \langle 1P_4, s \rangle$ $gov.nis$	W1	L

Стоит отметить, что мы классифицируем подход М. Вольфа как квазиэпентетический, так как вставление показателя *-er* всё же ограничено морфологическим набором признаков числа, а не только просодическим ограничением на присоединение *-ni*. Например, в такой системе возможен вывод $gov[-er]-ni-s$ ‘наша корова’, но невозможно вместо обычной формы множественного числа *gov-er* ‘коровы’ вывести форму $gov[-er]-ner$ ‘коровы’ несмотря на то, что оба показателя *-ni* и *-ner* принципиально не сочетаются с односложными основами. В случае обычных форм множественного числа причина состоит в том, что *-ner* и так реализует ближайший к корню набор признаков числа, так что у (квази)эпентетического *-er* не будет собственного локуса реализации.

Подход М. Вольфа хорошо справляется с выводом базовых притяжательных форм, а также наиболее интуитивным образом отражает мотивировку нашего диахронического сценария, предложенного выше. Тем не менее, у него есть ряд недостатков. Во-первых, как замечают Арреги и др. [4, с. 20], возникает вопрос о том, как в такой системе моделируется удовлетворение фонологического ограничения на присоединение *-ni* за счёт перестановки показателей внутри словоформы, которое в статье М. Вольфа не обсуждается. Во-вторых, неизвестно, насколько оправданным является такое ослабление общих механизмов фонологической реализации морфем на основании данных об одном ограниченном явлении. Особенно это актуально в свете того, что в своей статье Арреги и др. [4] показали, что подход М. Вольфа не является единственно возможным анализом западноармянских данных.

Интересно, что даже идея о том, что показатель множественного числа может в исключительных случаях реализовать набор $[-PL]$, то есть синтактико-семантическое единственное число существительного, не требует такого сложного анализа и вполне воплотима в стандартной модели распределённой

морфологии. Действительно, можно решить, что абстрактное морфологическое правило применяется не к признакам числа обладателя, а к более близкому к корню признаку числа существительного. В таком случае первым компонентом альтернативного анализа будет правило редактирования признака числа:

- (48) Правило редактирования признака числа обладаемого в западноармянском языке

$$[-PL] \rightarrow [+PL] / 1\sigma_ _ [+PL, POSS]$$

Согласно (48), у односложных основ признак числа обладаемого автоматически меняется с единственного на множественное в присутствии показателя множественности обладателя. В качестве второго компонента может использоваться список фонологических реализаций, приведённый ранее (41). Такая система представляет собой гибрид подходов Арреги и др. и М. Вольфа. Вывод формы *hac* -er *-ni-s* ‘наш хлеб’, например, в ней устроен следующим образом:

- (49) Вывод формы *hac* -er *-ni-s* ‘наш хлеб’, альтернативный двухкомпонентный подход

Шаг 1	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[-PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	<i>hac</i>			
Шаг 2	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[+PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	<i>hac</i>			
Шаг 3	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[+PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	<i>hac</i>	<i>er</i>		
Шаг 4	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[+PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	<i>hac</i>	<i>er</i>	<i>ni</i>	
Шаг 5	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[+PL]$	$[+PL, POSS]$	$[+1, -2, POSS]$
	<i>hac</i>	<i>er</i>	<i>ni</i>	<i>s</i>

По сравнению с удвоением показателя множественного числа обладателя плюс морфологического редактирования числа обладаемого состоит в том, что правило (48) не рекурсивно. Тем не менее, оно не позволяет полностью сгенерировать данные малатийского диалекта, что является аргументом в пользу исходного двухкомпонентного подхода Арреги и др. [4]. Проблема возникает в области вывода притяжательных форм существительных со сложными архаичными показателями множественного числа (*c'arik'-va-ner* ‘руки’), в которых

в качестве эпентетического показателя числа используется лишь первая его часть: *c'arik*[-və]-ni-s 'наша рука'. Это напрямую следует из устройства исходной двухкомпонентной системы, в то время, как альтернативный подход предсказывает вывод формы **c'arik*[-və-ner]-ni-s в силу того, что изменение признака числа на [+PL] запускает последующее удвоение этого набора признаков согласно правилу (24).

Рассмотренные в настоящем разделе теоретические подходы конкурируют между собой как в плане охвата западноармянского материала, так и с точки зрения их технических особенностей. Ещё одним основанием для сравнения подходов является то, насколько они могут оказаться полезными в описании междialeктной вариации в армянской системе выражения принадлежности, например, в диалектах восточноармянского языка. Обсуждению этих данных посвящён следующий раздел.

3 Восточноармянский язык

На основании изученных нами диалектных описаний можно утверждать, что в восточноармянском языке имеется два типа морфологического выражения множественности обладателя, а именно (а) *полная форма*, распространённая в основном в Нагорном Карабахе и диалектах соседствующих с ним районов, и (б) *усечённая (синкопированная) форма*, распространённая во многих других диалектах, в частности, в разговорном восточноармянском языке, части ара-ратских диалектов, а также в диалектах карчевано-мегринской и урмийской групп. При этом существует несколько подтипов усечённых форм в зависимости от глубины наблюдаемого гаплогического эффекта. Каждый из них будет рассмотрен отдельно.

Два типа синтетических притяжательных конструкций находятся в следующем отношении друг к другу. Полная форма является обобщением западноармянской системы, в которой исходное фонологическое ограничение на присоединение показателя числа обладателя претерпело дальнейшую морфологизацию. Усечённая же форма получается из полной благодаря морфологической гаплогии. Таким образом, синкопированные восточноармянские формы, вынесенные на обсуждение в самом начале настоящей работы, являются, по нашей гипотезе, крайним случаем эволюции системы западноармянского типа с эпентетическим показателем множественного числа, в которой исходное фоно-

логическое ограничение выродилось, и всё морфологическое выражение числа обладателя утратило смысловозначительную силу.

Полная форма

По нашему определению, полная форма включает в себя возможность независимого выражения множественности обладаемого и обладателя как минимум в части парадигмы. С этой точки зрения в западноармянском языке тоже представлена разновидность полной формы, но в чистом виде в восточноармянском языке она практически не встречается. Исключением является бурдурский диалект, относящийся к карабахской группе, в котором эпентетический показатель числа ожидаемо возникает при односложных основах (напр., *tal-er-ni-s* ‘наша золовка’ или ‘наши золовки’), но отсутствует при многосложных (50).

(50) Бурдурский диалект [30, с. 101]

Buldur- ni-s	menj	k‘aġak‘ e-r,	amma
Бурдур-PL.POSS-1.POSS	большой	город	быть-PST но
Irevan-i-d	hasni-l	=č‘-i-r.	
Ереван-DAT-2.POSS	дойти-INF	NEG-AUX-PST	

‘Наш Бурдур был большим городом, но с твоим Ереваном он бы не сравнился.’

Наличие морфологической модели схожей с западноармянским языком можно приписать влиянию последнего, так как носители диалекта г. Бурдур, находящегося в западной Анатолии недалеко от современной Анталии, переселились из Нагорного Карабаха в XVII в. и с тех пор проживали в западноармянском и туркоязычном окружении вплоть до Первой мировой войны и геноцида 1915 г. [30, с. 5]. Тем не менее, в ряде диалектов Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов (к примеру, в переходных диалектах Вайоц Дзора [10]) распространена обобщённая полная форма. Её ключевой особенностью является неожиданное распространение эпентетического показателя числа на многосложные основы:

(51) Карабахский диалект (с. Члدران) [15, с. 263]

Aič‘-u	mənan ni	=yə-n	pərc-al
медведь-GEN	как	внутри	AUX-3.PL закончить-PFV

pün-er-ə, ləhä vəx-əl[-nər]-ner-a-n ġuru
гнездо-PL-DEF/3.POS только бояться-INF-PL-PL-ABL-3.POS сухой
t'üväng-äv yəḡä =yə-n ta-m.
ружьё-INS поверх AUX-3.PL дать-IPF

‘Они [немцы] как медведи попрятались по норам и только палят из ружей от страха.’

Притяжательная форма инфинитива *vaxil* ‘бояться’ из примера выше относится ко множественному референту, при этом сам инфинитив не выражает множественности действия (например, на литературный восточноармянский эта форма переводится как *nər-anc' vax-el-uc'* [они-GEN бояться-INF-ABL] [13, с. 396]). Отсюда можно заключить, что появление второго показателя не всегда несет соответствующего семантического эффекта, что соответствует нашим наблюдениям относительно западноармянской конструкции. При этом, ожидаемым образом, у односложных основ также наблюдается эпендетический показатель множественного числа (см. пример (6) из того же с. Члдран). Полная парадигма из диалекта такого типа представлена ниже в (52).

(52) Притяжательные формы в вайоцздорском диалекте [10, с. 38, 44]

=1σ -er			
		[Ед.ч. сущ.]	[Мн.ч. сущ.]
[Ед.ч. обл.]	NOM	ej-ə s	ej-er-ə s
	DAT	ej-i- s	ej-er-i- s
		‘моя коза’	‘мои козы’
[Мн.ч. обл.]	NOM	ej[-er]- ni-s	ej-er- ni-s
	DAT	ej[-er]- ner-i-s	ej-er- ner-i-s
		‘наша коза’	‘наши козы’
>1σ -ni			
		[Ед.ч. сущ.]	[Мн.ч. сущ.]
[Ед.ч. обл.]	NOM	karas-ə s	karas-ni- s
	DAT	karas-i- s	karas-ner-i- s
		‘мой кувшин’	‘мои кувшины’
[Мн.ч. обл.]	NOM	karas[-ner]- ni-s	karas-ner- ni-s
	DAT	karas[-ner]- ner-i-s	karas-ner- ner-i-s
		‘наш кувшин’	‘наши кувшины’

В вышеприведённых формах обращает на себя внимание и алломорфия показателей множественного числа. Если в западноармянском языке *-ni* является узкоспециальным показателем, кодирующим множественность обладателя, то в диалектах типа вайоцзорского *-ni* является алломорфом обычного показателя множественного числа при многосложных основах, ограниченным, впрочем, формами номинатива. Во всех других падежных формах фигурирует обычный алломорф *-ner*.

Таким образом, в обобщённом виде поведение показателя множественности обладателя для вайоцзорского и других восточных диалектов с полной формой значительно отличается от обобщения, приведённого нами для западноармянского языка:

- (53) В восточных диалектах с полной формой, несмотря на то, что *особый* показатель множественности обладателя *-ni* отсутствует, аномальный показатель числа всё равно появляется, причём как в случае односложных, так и в случае многосложных основ.

Анализ

В силу того, что восточноармянская полная форма имеет много общего с западноармянской, к ней полностью применимо и обсуждение теоретических подходов, приведённое выше. Более того, восточноармянский материал указывает на некоторую избыточность мономорфемного и квазиэпентетического подходов, таким образом, предоставляя дополнительный аргумент в пользу двухкомпонентного анализа армянских синтетических притяжательных конструкций Арреги и др. [4]. В диалектологической литературе полные притяжательные формы вайоцзорского и карабахского типа описываются как содержащие мономорфемные показатели *-erni* и *-nerni* [15, 13]. Тем не менее, для того, чтобы перенести нашу формализацию традиционного подхода на данные парадигм из таблицы (52), понадобится весьма массивный инвентарь фонологических реализаций показателей множественного числа:

- (54) Инвентарь фонологических реализаций числа в карабахском диалекте (мономорфемный подход):

$$[+PL, POSS] \leftrightarrow -erni / (=1\sigma \wedge [-PL])_ _ [NOM]$$

$$\begin{aligned}
[+PL, POSS] &\leftrightarrow \text{-erner} / (=1\sigma \wedge [-PL])_ \\
[+PL, POSS] &\leftrightarrow \text{-nerni} / (>1\sigma \wedge [-PL])_ \text{[NOM]} \\
[+PL, POSS] &\leftrightarrow \text{-nerner} / (>1\sigma \wedge [-PL])_ \\
[+PL] &\leftrightarrow \text{er} / =1\sigma_ \\
[+PL] &\leftrightarrow \text{ni} / >1\sigma_ \text{[NOM]} \\
[+PL] &\leftrightarrow \text{ner} / >1\sigma_ \\
[] &\leftrightarrow \emptyset
\end{aligned}$$

Список (54) прекрасно иллюстрирует главный недостаток мономорфемного подхода, а именно то, что при добавлении новых показателей множественного числа (или при перестройке системы как в данном случае) возникает необходимость напрямую дублировать эти изменения в системе выражения множественности обладателя, что, в свою очередь, приводит к избыточному росту инвентаря фонологических реализаций. Один из наших главных теоретических ориентиров состоит в том, что при усвоении системы выражения множественного числа носитель старается угадывать распределение каждого алломорфа по всей языковой системе и приписывать ему соответствующий контекст на реализацию, по возможности не прибегая к накоплению дублирующих алломорфов.

Помимо этого, следствием мономорфемного подхода к данным в таблице (52) оказывается возникновения громоздких контекстов на вставление склеенных алломорфов: так, согласно списку в (54), показатель *-nerner* выступает в качестве фонологической реализации такого набора признаков $[+PL, POSS]$, которому предшествует набор признаков $[-PL]$ и одновременно многосложная основа. И накопления алломорфов, и возникновения сложных контекстов разной природы можно избежать при более абстрактном анализе.

Следует отметить, что восточноармянские диалекты с полной формой не вполне поддаются моделированию в системе М. Вольфа. Так, для анализа методом сравнения дериваций ключевым компонентом является напрямую закодированное фонологическое ограничение на присоединение показателя множественности обладателя к односложным основам, которое и позволяет на выходе предпочесть форму с квазиэпентетическим показателем числа. Тем не менее, поскольку в восточноармянском языке фонологическое ограничение переходит в морфологическое, этот механизм теряет аналитическую силу. В таком случае, в системе М. Вольфа удвоение показателя множественного числа

обладателя при основах *любого* типа будет смоделировано с помощью абстрактного морфологического правила, что, в свою очередь, сделает этот анализ аналогичным двухкомпонентному подходу Арреги и др. [4].

Таким образом, восточноармянские диалекты с полной формой лучше всего описывает двухкомпонентный подход. Ниже мы предлагаем следующее его расширение. Во-первых, сам список основных алломорфов множественного числа устроен иным образом по сравнению с западноармянским языком, так как в нём отсутствует специальный показатель множественного числа обладателя:

(55) Инвентарь алломорфов числа в вайоцзорском диалекте:

$$\begin{aligned} [+PL] &\leftrightarrow \text{er} / =1\sigma_ \\ [+PL] &\leftrightarrow \text{ni} / >1\sigma_ [\text{NOM}] \\ [+PL] &\leftrightarrow \text{ner} / >1\sigma_ \\ [\quad] &\leftrightarrow \emptyset \end{aligned}$$

Сама фонологическая реализация *-ni* остаётся в списке, но лишь в качестве показателя множественного числа при многосложных основах в номинативе. Обычный *-ner* используется во всех остальных падежах. Такое распределение алломорфов множественного числа свойственно многим восточноармянским диалектам, однако в ряде араратских разновидностей, например, в диалектах армавирской зоны, *-ni* отсутствует совсем, и *-ner* обслуживает множественное число во всех контекстах, см., например, *jəterəg-ner* ‘арбузы’ [31, с. 83] вместо вайоцзорского *sətergə-ni* [10, с. 40].

Вторым же компонентом анализа является абстрактное морфологическое правило. Фактически в вайоцзорском диалекте западноармянское фонологическое ограничение сменяется требованием удвоения в *любых* притяжательных формах единственного числа существительного (56).

(56) Правило удвоения показателя множественности обладателя в вайоцзорском диалекте

$$[+PL, \text{POSS}] \rightarrow [+PL, \text{POSS}] \prec [+PL, \text{POSS}] / [-PL]___$$

Следующим образом выглядит пример вывода вайоцзорской притяжательной формы с использованием этого правила:

- (57) Вывод формы *karas*-ner-*ner-i-s* ‘нашему кувшину’ вайоцдорского диалекта (двухкомпонентный подход)

Шаг 1	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL]	[+PL, POSS]	[DAT]	[+1, -2, POSS]
Шаг 2	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL] $\emptyset$	[+PL, POSS]	[DAT]	[+1, -2, POSS]
Шаг 3	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL] $\emptyset$	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[DAT] [+1, -2, POSS]
Шаг 4	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL] $\emptyset$	[+PL, POSS] ner	[+PL, POSS]	[DAT] [+1, -2, POSS]
Шаг 5	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL] $\emptyset$	[+PL, POSS] ner	[+PL, POSS] ner	[DAT] [+1, -2, POSS]
Шаг 6	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL] $\emptyset$	[+PL, POSS] ner	[+PL, POSS] ner	[DAT] i [+1, -2, POSS]
Шаг 7	$\sqrt{\text{КУВШИН}}+n$ karas	[-PL] $\emptyset$	[+PL, POSS] ner	[+PL, POSS] ner	[DAT] i [+1, -2, POSS] s

Усечённые (синкопированные) формы

Во многих восточноармянских диалектах, в том числе в некоторых карабахских и вайоцдорских разновидностях, распространены системы с синкопированными формами, то есть такими, в которых один из повторяющихся показателей множественного числа опускается. Это явление можно проиллюстрировать следующим примером из текста на азнабердском говоре вайоцдорского диалекта:

- (58) Вайоцдорский диалект (с. Азнаберд) [10, с. 171]

Hälä ədanc‘ xosk-**er-ni**-n peran-**ner-i**-n =a əl-əm,
 ещё их слово-PL-PL-3.POS rot-PL-DAT-3.POS AUX быть-IPF
 k‘äč‘äl-ə en səhat‘-ə vazz =a ta-li, hasn-əm k‘ei-o-n.
 лысый-DEF тот час-DEF бег AUX дать-IPF добраться-IPF дядя-DAT-DEF

‘Не успели они произнесли свои слова [досл., слова ещё были у них во рту], лысый вскакивает и бежит к дяде.’

Для наших целей главный интерес здесь представляет соположение двух форм – полной *xosk-er-ni-n* [слово-PL-PL-3.POS] ‘их слова’, в которой наблюдается обычная последовательность из двух показателей множественного числа, и усечённой формы *peran-ner-i-n* [рот-PL-DAT-3.POS] ‘в их ртах’. В обоих случаях семантически и обладатель, и обладаемое множественны. Похожую систему описывает А. Маркарян для горисского диалекта [18, с. 171-176], который находится на периферии карабахского ареала. В этой разновидности используются полные формы, но А. Маркарян отмечает, что в случае многосложных основ встречаются синкопированные формы с одним показателем множественного числа: *čəkət-ne-s* [лоб-PL-1.POS] ‘мои лбы’, ‘наш лоб’ или ‘наши лбы’ [18, с. 174]. Причина, по его мнению, состоит в том, что полные формы с повторяющимися одинаковыми суффиксами трудны для произнесения. Он также предполагает, что источником гаплогогического эффекта может служить тот факт, что не все комбинации обладателя и обладаемого возможны в речи для такого типа существительных, как *čakat* ‘лоб’: поскольку у каждого человека есть ровно один лоб, то для формы *čəkət-ne-s* [лоб-PL-1.POS] интерпретации ‘мои лбы’ и ‘наш лоб’ маловероятны [18, с. 174], а значит, она однозначно кодирует интерпретацию ‘наши лбы’. В общем виде система горисского типа, допускающая усечение, выглядит следующим образом:

(59) Притяжательные формы в горисском диалекте [18, с. 173-174]

=1σ -er		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	cerk'-əs 'моя рука'	cerk'-er-əs 'мои руки'
[МН.Ч. обл.]	cərk'[-ər]-ne-s 'наша рука'	cərk'-ər-ne-s 'наши руки'
>1σ -ni		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	voskei'-əs 'моя кость'	vəskəi'-ne-s 'мои кости'
[МН.Ч. обл.]	vəskəi'([-ner])-ne-s 'наша кость'	vəskəi'(-ner)-ne-s 'наши кости'

На основании таблицы (59) можно сформулировать обобщение относительно синкопы показателя множественного числа в системе такого типа:

(60) Правило синкопы показателя множественного числа (первый тип):

Если два одинаковых показателя множественного числа следуют друг за другом (*-ner-ner* или *-ner-ne* и *-ner-ner*), первый из них опускается.

Следует отметить, что появление синкопы показателей множественного числа у многосложных основ далее ослабляет смысловоразличительную силу армянской системы морфологического маркирования обладателя, ведь усечённые формы типа *kəɾəs-ne-s* [кувшин-PL-1.POS] кодируют три из четырёх возможных комбинаций числа обладаемого и обладателя. Мы полагаем, что синкопа в восточноармянских диалектах послужила триггером для её утасания.

В отдельных диалектных описаниях и сборниках текстов на восточноармянских диалектах можно найти поверхностно очень разнообразные системы с усечёнными формами, однако, на наш взгляд, они следуют определённой логике, которую можно описать как дальнейшее углубление гаплогического эффекта (синкопы) по сравнению с системой, описанной выше.

Карчеванский диалект

Так, карчеванский диалект¹³ демонстрирует, что эффект синкопы может быть сформулирован на более абстрактном уровне. В этой разновидности армянского языка у многосложных основ доступны только синкопированные формы, но у односложных основ также возможно опциональное удаление первого показателя множественного числа. Получается, что карчеванский диалект эволюционирует в систему, где морфологической гаплогии подвергается первый показатель множественного числа вне зависимости от конкретного его алломорфа. Данные обобщены в таблице (61).

¹³Распространён в с. Карчеван Сюникской области Армении, входит в приараксскую (юго-восточную) подгруппу диалектов, данные по описанию О. Мурадяна [19].

(61) Притяжательные формы в карчеванском диалекте [19, с. 105-106]

$=1\sigma$ -ar			
		[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	NOM	büt'- üs	büt'-är- is
	DAT	büt'- ü-s	büt'-ör- ü-s
		‘мой палец’	‘мои пальцы’
[МН.Ч. обл.]	NOM	büt'(-är)- na-s	büt'(-är)- na-s
	DAT	büt'(-är)- nor-u-s	büt'(-är)- nor-u-s
		‘наш палец’	‘наши пальцы’
$>1\sigma$ -na			
		[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	NOM	karas- əs	karas-na- s
	DAT	karas- u-s	karas-nor- u-s
		‘мой кувшин’	‘мои кувшины’
[МН.Ч. обл.]	NOM	karas- na-s	karas- na-s
	DAT	karas- nor-u-s	karas- nor-u-s
		‘наш кувшин’	‘наши кувшины’

Стоит отметить, что при синкопе у односложных основ вместо удаляемого показателя остаётся эпентетический гласный [ə, i, ü]: *büt'-är-na-s > büt'-üna-s* ‘наши пальцы’. Этот процесс трудно однозначно интерпретировать. На наш взгляд, существует два основных соображения, которые могли бы объяснить природу появления эпентетического гласного в данном контексте. Во-первых, в литературе существует мнение (скорее всего, верное), что [ə] вставляется для того, чтобы превратить изначально односложную основу в двусложную: это позволяет обеспечить корректное присоединение показателя множественного числа *-na/-nor*, с односложными основами не сочетающегося [13, с. 237]. В пользу такой интерпретации говорит отсутствие эпентетического гласного при каких-либо многосложных основах. Во-вторых, на наш взгляд, в притяжательных формах [ə] может также рассматриваться как след от непроизнесения морфологического материала при синкопе. Поскольку карчеванские данные очень ограничены, для иллюстрации этого подхода придётся обратиться к данным другого диалекта.

Урмийский диалект

Похожая на карчеванскую система наблюдается, в частности, в урмийской группе, а именно в хойском, урмийском и мерагинском диалектах (данные обобщены по работам [2] и [20]), с тем лишь различием, что в них имеется более нетривиальный инвентарь продуктивных показателей множественного числа. Так, в них по-разному маркируются односложные основы (*xav-er* ‘курицы’), многосложные основы на гласный (*ek‘i-ner* ‘сады’), а также многосложные основы на согласный (*gämeš-k‘er* ‘буйволы’). При этом в притяжательных формах со множественным обладателем возможен только один показатель множественного числа, и им может быть только *-k‘er*. Полная парадигма притяжательных форм мерагинского диалекта представлена в таблице (62).

(62) Притяжательные формы в мерагинском диалекте [2, с. 364-365]

$=1\sigma$ - <i>er</i>		
	[Ед.ч. сущ.]	[Мн.ч. сущ.]
[Ед.ч. обл.]	хас‘-ə s	хас‘-ir- is
	‘мой хлеб/обед’	‘мои хлеба/обеда’
[Мн.ч. обл.]	хас‘-(i)k‘ir- is	хас‘-(i)k‘ir- is
	‘наш хлеб/обед’	‘наши хлеба/обеда’
$>1\sigma$ - <i>ner</i>		
	[Ед.ч. сущ.]	[Мн.ч. сущ.]
[Ед.ч. обл.]	katu- s	katu-nir- is
	‘моя кошка’	‘мои кошки’
[Мн.ч. обл.]	katu-k‘ir- is	katu-k‘ir- is
	‘наша кошка’	‘наши кошки’
$>1\sigma$ - <i>k‘er</i>		
	[Ед.ч. сущ.]	[Мн.ч. сущ.]
[Ед.ч. обл.]	gämeš- is	gämeš-k‘ir- is
	‘мой буйвол’	‘мои буйволы’
[Мн.ч. обл.]	gämeš-k‘ir- is	gämeš-k‘ir- is
	‘наш буйвол’	‘наши буйволы’

В пользу того, что наблюдаемая система является результатом морфологической гаплогонии, служит следующее наблюдение. Во-первых, интересен выбор итогового алломорфа *-k'er/-k'ir*, который обычно сочетается только с основами на согласный. Все три показателя множественного числа имеют согласный исход, что косвенно указывает на их присутствие в морфологическом выводе до применения гаплогонии. Более того, К. Давтян в своём обзоре диалектов Нагорного Карабаха [15, с. 137] напрямую приводит полные формы типа *ašk-er-k'er-əs* [глаз-PL-PL-1.POS] 'наши глаза', распространённые в сёлах Марага и Чайлу, основанных переселенцами из района оз. Урмия.

Что касается эпентетического [ə]¹⁴, то он присутствует только при односложных основах. При этом в пользу нашей интерпретации его как следа от морфологической гаплогонии говорит два соображения. Во-первых, вставление [ə] в мерагинском диалекте опционально: форма *xac'-ik'ir-is* 'наш хлеб'/'наши хлеба' равносильна форме *xac'-k'ir-is*. Если бы такая эпентеза была продуктивным правилом расширения основы для последующего вставления *-k'ir*, формы без [ə]/[i] не встречались бы. Во-вторых, в притяжательных формах эпентетический гласный встречается в контекстах, в которых более широко распространённые типы эпентезы¹⁵ не применяются, например, при основах с исходом на гласный: *ci-ik'ir-is* 'наша лошадь'/'наши лошади' [2, с. 365]. Следовательно, конкретно этот тип эпентезы напрямую связан с наличием гаплогонического эффекта.

На основании данных рассмотренных выше двух диалектов, можно сформулировать новое правило синкопы:

(63) Правило синкопы показателя множественного числа (второй тип):

Если два показателя множественного числа следуют друг за другом, первый из них не произносится. В случае синкопы у односложных основ возможно вставление эпентетического гласного для поддержания двусложности основы, к которой примыкает сохранившийся внешний показатель числа.

¹⁴В мерагинском диалекте имеет место гармония гласных, и [i] является эпентетическим гласным «мягкого» типа.

¹⁵Выше отмечались два типа эпентезы: (а) для устранения запрещённых скоплений согласных, (б) более узкоспециальный морфонологический процесс вставления [ə] при показателе числа обладателя после основ на согласный.

На наш взгляд, похожим образом устроена и система разговорного восточноармянского литературного языка, примеры из которого (4) упоминались во вступительной части настоящей работы. В своём обзоре Р. Ачарян приводит парадигму морфологического маркирования обладателя в этом диалекте [2, с. 385], которую мы приводим в таблице (64) с тем лишь замечанием, что так свободно эти формы больше не образуются и, в основном, ограничены существительными из класса неотчуждаемой принадлежности, послелогоми и нефинитными формами глаголов [9].

- (64) Притяжательные формы в разговорном восточноармянском литературном языке [2, с. 385]

$=1\sigma$ - <i>er</i>		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	hac'- ə s	hac'-er- ə s
	‘мой хлеб/обед’	‘мои хлеба/обеда’
[МН.Ч. обл.]	hac'- ner-ə s	hac'- ner-ə s
	‘наш хлеб/обед’	‘наши хлеба/обеда’
$>1\sigma$ - <i>ner</i>		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	partez- ə s	partez-ner- ə s
	‘мой сад’	‘мои сады’
[МН.Ч. обл.]	partez- ner-ə s	partez- ner-ə s
	‘наш сад’	‘наши сады’

Из таблицы видно, что в этом диалекте допускаются только усечённые формы без фонологической эпентезы. Алломорфы *-er* и *-ner* обслуживают всё числовое маркирование на существительном, так что *-ner* может быть как обычным показателем числа существительного, так и показателем множественного числа обладателя. Перед нами не что иное, как упрощённый вариант системы, зафиксированной в карчеванском или урмийском диалектах.

Анализ

Данные описанных выше восточноармянских диалектов указывают на то, что усечённые формы получаются из полных форм с помощью так называемой

морфологической гаплогии, то есть произнесения одного из двух одинаковых показателей, следующих непосредственно друг за другом. При этом сфера действия гаплогического эффекта оказывается разной для разных диалектов. С точки зрения этого критерия можно выделить три основных типа, встречающихся в разновидностях восточноармянского языка. В обобщённом виде они представлены в таблице (65).

(65) Типы гаплогических эффектов в (восточно)армянских диалектах

Степень: 1		Степень: 2		Степень: 3	
-er-ni	-ner-ni	-er-ni	*-ner-ni	*-er-ni	*-ner-ni
-er-ner	*-ner-ner	-er-ner	*-ner-ner	*-er-ner	*-ner-ner

Вопрос теперь состоит в том, как формально описать переход от степени 1 к степени 3 в терминах распределённой морфологии. В нашем анализе гаплогический эффект будет определён на фонологических реализациях: если два алломорфа, реализующие соседние наборы признаков, совпадают по определённым критериям, один из них опускается. Для формализации этого процесса снова рассмотрим инвентарь реализаций числа в диалекте типа вайоцзорского или карабахского:

(66) Инвентарь алломорфов числа в вайоцзорском диалекте (повтор):

$$\begin{aligned}
 [+PL] &\leftrightarrow \text{er} / =1\sigma_ \\
 [+PL] &\leftrightarrow \text{ni} / >1\sigma_ [\text{NOM}] \\
 [+PL] &\leftrightarrow \text{ner} / >1\sigma_ \\
 [] &\leftrightarrow \emptyset
 \end{aligned}$$

Так, каждая фонологическая реализация состоит из трёх основных компонентов: (а) набора признаков, к которому она может применяться (например, [+PL]), (б) непосредственного контекста на реализацию (например, $>1\sigma_$), и (в) добавляемого фонологического материала (например, *ner*). Согласно таблице (65), гаплогия первого типа (распространённая в ряде араратских диалектов и, вероятно, в вайоцзорском диалекте) наиболее узкоспециальна: одинаковыми считаются алломорфы, у которых сразу все три компонента (а-в) идентичны. Таким образом, только последовательность *-ner-ner* подлежит упрощению.

В случае гаплогонии второго типа, распространённой в горисском и ряде карабахских диалектов, идентичными считаются алломорфы, у которых совпадают компоненты (а) и (б), а именно набор реализуемых признаков и непосредственный контекст на реализацию (в нашем случае, фонологический). В них помимо *-ner-ner* синкопе подвергается и последовательность *-ner-ni*.

В случае гаплогонии третьего типа, распространённой в карчеванском, хойском и мерагинском диалектах, а также в разговорном (литературном) восточноармянском языке, требуется совпадение только в части (а), то есть в наборе реализуемых признаков. В итоге этот тип имеет наиболее широкую сферу действия и охватывает все три алломорфа показателя множественного числа из списка (66).

Следует повторить, что гаплогония третьего типа хоть и удаляет внутренний показатель множественного числа целиком, тем не менее, оставляет фонологический след от удаления в виде эпентетического гласного. Именно этот след позволяет утверждать, что в диалектах типа карчеванского или мерагинского гаплогония применяется к изначально полной притяжательной форме. При этом, поскольку эпентеза встречается только у односложных основ, нельзя точно установить, принадлежит ли эта исходная форма западноармянскому типу, где удваивается показатель числа только при односложных основах (40), или же восточноармянскому типу, где схожий процесс наблюдается и при многосложных основах (56).

Наш подход можно продемонстрировать выводом хойской или мерагинской формы *ci-ək'er-əs* или *ci-ik'ir-is* 'наш конь', для которого нам понадобится одно из правил удвоения (40 или 56), правило морфологической гаплогонии (63), а также соответствующий инвентарь показателей числа:

(67) Инвентарь фонологических реализаций числа в хойском диалекте:

$$\begin{aligned} [+PL] &\leftrightarrow \text{er} / =1\sigma ___ \\ [+PL] &\leftrightarrow \text{ner} / (>1\sigma \wedge V\#)___ \\ [+PL] &\leftrightarrow \text{k'er} / (>1\sigma \wedge C\#)___ \\ [\quad] &\leftrightarrow \emptyset \end{aligned}$$

Сам вывод будет иметь следующий вид (68):

(68) Вывод хойской формы *ci-ək'er-əs* ‘наш конь’

Шаг 1	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]	
	ci					
Шаг 2	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]	
	ci	∅				
Шаг 3	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅				
Шаг 4	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er			
Шаг 5	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er	k'er		
Шаг 6	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er	k'er		
Шаг 7	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er	[ə]k'er		
Шаг 8	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er	[ə]k'er	∅	
Шаг 9	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er	[ə]k'er	∅	s
Шаг 10	$\sqrt{\text{КОНЬ}+n}$	[−PL]	[+PL, POSS]	[+PL, POSS]	[NOM]	[+1, −2, POSS]
	ci	∅	er	[ə]k'er	∅	[ə]s

Выделение нового алломорфа

Парадигмы разговорного восточноармянского литературного языка (64) представляют собой интересный этап развития армянской системы морфологического выражения принадлежности, поскольку в них – в отсутствие полных форм с двумя показателями или фонологического следа при односложных основах – единственным указанием на возможный вывод на промежуточном этапе полной формы с *эпентетическим показателем множественного числа* является лишь форма *has'-ner-əs* ‘наш хлеб/обед’. Действительно, для неё восстановима про-

межуточная форма *has*[-*er*]-*ner*-*əs*, к которой затем применяется морфологическая гаплогия. Тем не менее, существует и альтернативная интерпретация этих данных, при которой прежде единый алломорф *-ner* разделяется на два – обычный показатель множественного числа при многосложных существительных *-ner*₁ и отдельный показатель множественности обладателя *-ner*₂, не ограниченный конкретным типом основы. В этом случае, таблица притяжательных форм разговорного литературного будет иметь следующий вид:

- (69) Притяжательные формы в разговорном восточноармянском литературном языке [2, с. 385]

=1σ - <i>er</i>		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	<i>has</i> ’- əs	<i>has</i> ’- <i>er</i> - əs
	‘мой хлеб/обед’	‘мои хлеба/обедаы’
[МН.Ч. обл.]	<i>has</i> ’- ner ₂ - əs	<i>has</i> ’- ner ₂ - əs
	‘наш хлеб/обед’	‘наши хлеба/обедаы’
>1σ - <i>ner</i>		
	[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	<i>partez</i> - əs	<i>partez</i> - <i>ner</i> ₁ - əs
	‘мой сад’	‘мои сады’
[МН.Ч. обл.]	<i>partez</i> - ner ₂ - əs	<i>partez</i> - ner ₂ - əs
	‘наш сад’	‘наши сады’

Главная особенность подхода с отдельными показателями множественности обладаемого и обладателя состоит в том, что при нём нет необходимости в постулировании правила удвоения типа (40) или (56), порождающего формы с аномальным показателем числа, так как парадигмы не предоставляют достаточно информации для такого решения. Более того, не является необходимой поверхностная гаплогия соседствующих показателей числа, определяемая на фонологических реализациях. Вместо этого возможен анализ, в котором последовательность из двух показателей числа упрощается на более глубоком уровне.

На наш взгляд, ровно такая система в явном виде наблюдается как минимум в мегринском [6], лорийском [20] и тавушском [32] диалектах. В лорийском диалекте, например, встречаются следующие формы:

(70) Лорийский диалект (с. Гаргар) [20, с. 156]

Ek-a-nk' has-a-nk' gegameč', mən el
прийти-AOR-1.PL добратсья-AOR-1.PL центр.села один ЕМРН
teh-a-nk' Šogo-n aiač'-**neru**-s dus
увидеть-AOR-1.PL Шого-DEF перед-PL.POS-1.POS наружу
ek-a-v, mi taīs mətik ar-a-v u gəna-c'.
выйти-AOR-3.SG INDEF обратный взгляд делать-AOR-3.SG и пойти-AOR

'Приходим мы в центр села, вдруг видим – перед нами является Шого,
бросает на нас косой взгляд и уходит.'

Согласно описанию М. Асатрян [20], лорийский диалект использует усе-
чённые формы с особым показателем множественности обладателя *-neru*, не
тождественным обычному показателю множественного числа. Для сравнения,
полная парадигма притяжательных форм в трёх падежах представлена в (71).

(71) Притяжательные формы в лорийском диалекте [20, с. 90-111]

=1σ -er			
		[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	NOM	hac'- əs	hac'-er- əs
	DAT	hac'-i-s	hac'-er-i-s
	ABL	hac'-ic'- əs	hac'-er-ic'- əs
		'мой хлеб/обед'	'мои хлеба/обедаы'
[МН.Ч. обл.]	NOM	hac'- neru -s	hac'- neru -s
	DAT	hac'- ner -u-s	hac'- ner -u-s
	ABL	hac'- ner -uc'- əs	hac'- ner -uc'- əs
		'наш хлеб/обед'	'наши хлеба/обедаы'
>1σ -ni			
		[ЕД.Ч. сущ.]	[МН.Ч. сущ.]
[ЕД.Ч. обл.]	NOM	xəŋjor- əs	xəŋjor-ni-s
	DAT	xəŋjor-i-s	xəŋjor-ner-i-s
	ABL	xəŋjor-ic'- əs	xəŋjor-ner-ic'- əs
		'моё яблоко'	'мои яблоки'
[МН.Ч. обл.]	NOM	xəŋjor- neru -s	xəŋjor- neru -s
	DAT	xəŋjor- ner -u-s	xəŋjor- ner -u-s
	ABL	xəŋjor- ner -uc'- əs	xəŋjor- ner -uc'- əs
		'наше яблоко'	'наши яблоки'

Происхождение *-neru* весьма нетривиально: по форме он похож на склеившийся показатель множественного числа *-ner* и показатель генитива-датива *-u*, стандартно сочетающийся с алломорфами множественного числа в западно-армянском языке и многих диалектах. Его статус как отдельного показателя следует из трёх наблюдений. Во-первых, *-neru* фонологически не идентичен другим алломорфам множественного числа, а именно *-er*, *-ni* и *-ner*. Во-вторых, в лорийском и тавушском диалектах распространена модель выражения множественного числа существительного, в которой различается алломорф при номинативе *-ni* и общий алломорф *-ner*, при этом показатель множественности обладателя *-neru* во всех падежах одинаков. В-третьих, морфологически *-neru* принадлежит к другому типу склонения (с генитивом-дативом на *-u*) нежели обычные показатели множественного числа *-er* и *-ni/-ner* (они получают показатель по умолчанию *-i*).

В целом, новоприобретённые показатели множественного числа обладателя могут иметь разную природу. К примеру, выше (39) в свете мономорфемного подхода обсуждалась в целом аналогичная лорийской система джрабердского говора карабахского диалекта, где возникновение единого показателя множественного числа обладателя произошло за счёт склеивания двух показателей *-er-ne* воедино: *tən-ərne-t* [дом-PL.POS-2.POS] ‘твой дом’, *lüzv-ərne-t* [язык-PL.POS-2.POS] ‘твой язык’, *kəlx-ərne-t* [голова-PL.POS-2.POS] ‘твоя голова’ [15, с. 240-241].

Анализ

Для описания лорийских данных сперва нужно добавить в список фонологических реализаций числа специальный показатель множественности обладателя:

(72) Инвентарь фонологических реализаций числа в лорийском диалекте:

$$\begin{aligned}
 [+PL, POSS] &\leftrightarrow neru \\
 [+PL] &\leftrightarrow er / =1\sigma_ \\
 [+PL] &\leftrightarrow ni / >1\sigma_ [NOM] \\
 [+PL] &\leftrightarrow ner / >1\sigma_ \\
 [\quad] &\leftrightarrow \emptyset
 \end{aligned}$$

Следует отметить, что лорийский диалект совместим и с анализом, представленным выше для карчеванского, хойского и мерагинского диалектов. Сами

данные говорят лишь о том, что у показателя множественности обладателя есть особая фонологическая реализация. Возможно, и в нём на промежуточном этапе происходит построение полной формы с последующей поверхностной гаплогогией внутреннего показателя множественного числа. В пользу этого указывает то, что в работе С. Багдасарян-Тапалцян, приводятся полные формы типа *gəlxə-ner-neru-s* [голова-PL-PL.POS-1.POS] ‘наши головы’ [31, с. 123], распространённые в неустановленных араратских говорах Лори и Тавуша. Автор также упоминает возможность синкопирования этих форм.

Мы лишь утверждаем, что в диалектах, в которых распространена только система как в таблице (71), возможна интерпретация с ещё более глубоким гаплогогическим эффектом, определённым на наборах признаков, а не их фонологических реализациях. Такие данные совместимы с подходом, при котором удаляется любой набор признаков числа (множественного или единственного), если он непосредственно предшествует показателю множественного числа обладателя:

- (73) Правило удаления внутреннего показателя числа в восточноармянском языке

$$[\pm PL] \prec [+PL, POSS] \rightarrow [+PL, POSS]$$

В нашем анализе правило (73) удаляет внутренний показатель множественного числа существительного, однако похожий эффект можно сформулировать и в терминах слияния двух наборов признаков, и в терминах редактирования значения признака (со множественного на единственное число). Эмпирически сложно сказать, насколько по-разному они будут охватывать данные восточноармянских диалектов. Тем не менее, главное свойство этого класса правил состоит в том, что они применяются до фонологической реализации фигурирующих в них наборов признаков, а значит, наблюдаемый в них гаплогогический эффект глубже с точки зрения морфологического вывода.

Предлагаемый анализ можно проиллюстрировать выводом лорийской формы *hac-neru-s* ‘наш(и) хлеб(а)/обед(ы)’ (74):

(74) Вывод лорийской формы *hac'-neru-s* 'наш(и) хлеб(а)/обед(ы)'

Шаг 1	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[\pm\text{PL}]$	$[+\text{PL}, \text{POSS}]$	$[\text{NOM}]$	$[+1, -2, \text{POSS}]$
	hac'				
Шаг 2	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[\pm\text{PL}]$	$[+\text{PL}, \text{POSS}]$	$[\text{NOM}]$	$[+1, -2, \text{POSS}]$
	hac'				
Шаг 3	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[\pm\text{PL}]$	$[+\text{PL}, \text{POSS}]$	$[\text{NOM}]$	$[+1, -2, \text{POSS}]$
	hac'		neru		
Шаг 4	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[\pm\text{PL}]$	$[+\text{PL}, \text{POSS}]$	$[\text{NOM}]$	$[+1, -2, \text{POSS}]$
	hac'		neru	$\emptyset$	
Шаг 5	$\sqrt{\text{ХЛЕБ}+n}$	$[\pm\text{PL}]$	$[+\text{PL}, \text{POSS}]$	$[\text{NOM}]$	$[+1, -2, \text{POSS}]$
	hac'		neru	$\emptyset$	s

Заключение

В настоящей статье мы описали и проанализировали имеющиеся в литературе данные о морфологическом выражении категории притяжательности в современном армянском языке. Это явление представляет немалый интерес для теории морфологии, поскольку армянские синтетические притяжательные конструкции нетривиальным образом *систематически* нарушают агглютинативный идеал, в котором каждый из наборов морфологических признаков находится во взаимно-однозначном соответствии с определённой фонологической реализацией. Среди рассмотренных выше диалектов нам не встретился ни один, в котором бы имелась «идеальная» полностью регулярная агглютинативная система. Мы связываем это с тем, что несмотря на видимое разнообразие все эти разновидности связаны друг с другом исторически и наследуют нерегулярность у исходной системы, которая, по нашему мнению, всё ещё наблюдается в западноармянском языке и близких к нему диалектах вроде малатийского или тигранакертского.

Происхождение синтетической притяжательной конструкции в западноармянском языке, вероятно, связано с процессом в духе цикла Есперсена, когда при появлении нового продуктивного алломорфа множественного числа (*-ni*) прежний алломорф при формах с односложными основами (*-vi*, *-er*) сохранился в виде орнаментального показателя. Поскольку в современном армянском языке многие показатели множественного числа содержат фонологическое ог-

раничение на число слогов основы, с которой они сочетаются, в литературе возник вопрос о том, не являются ли орнаментальные показатели своего рода эпендетическими элементами, служащими для расширения односложной основы для успешного присоединения *-ni* [3].

В своей работе Арреги и др. [4] показали, что весь спектр западноармянских данных хорошо описывается с помощью двухкомпонентной системы, в которой показатель множественного числа обладателя раздваивается, если он оказывается рядом с односложной основой. Этот подход, постулирующий абстрактное правило того или иного типа, занимает промежуточное положение между более динамичным анализом М. Вольфа [3], который напрямую формализует интуицию об эпендетическом статусе орнаментального показателя числа, и традиционным подходом, где двойной показатель интерпретируется просто как мономорфемный элемент. В данной работе мы установили, что важным аргументом в пользу наличия морфологического правила удвоения является то, что оно позволяет легко объяснить переход к полной форме восточноармянского типа, в котором удвоение происходит и при многосложных основах. По нашей гипотезе, это происходит в результате расширения контекста на применение абстрактного правила.

Современные армянские диалекты схожи в том, что в них систематически нарушается агглютинативный идеал, но с точки зрения того, как именно это нарушение происходит, они значительно разнятся. Как показывает обсуждение в настоящей работе, существует три главных параметра, которые описывают наблюдаемую междиалектную вариацию. Одним источником является разная сфера применения абстрактного морфологического правила, создающего локус реализации орнаментального показателя. Помимо этого, диалекты обладают очень разными наборами самих фонологических реализаций множественного числа. Наконец, мы показали, что в восточноармянских диалектах распространено явление морфологической гаплогонии, при которой один из двух одинаковых показателей числа не произносится.

Что касается последнего пункта, то мы выделили четыре степени глубины гаплогонического эффекта в восточноармянских диалектах, три из которых определены на фонологических реализациях, а одна – на наборах морфосинтаксических признаков. Первый, самый поверхностный тип гаплогонии, применяется к двум идентичным алломорфам показателя множественного числа. При гаплогонии второй степени не произносится первый из двух алломорфов

показателя множественного числа, у которых полностью совпадает фонологический контекст на реализацию. Третья степень отличается тем, что при ней не произносится первый из двух любых алломорфов множественного числа существительного. Наконец, для четвёртой степени характерно удаление показателя числа существительного на более раннем этапе вывода до его фонологической реализации.

Выделенные в настоящей работе параметры вариации в системе морфологического выражения множественности обладателя в современном армянском языке обобщают данные, представленные в имеющейся диалектологической литературе. Мы надеемся, что наше обсуждение послужит стимулом для дальнейших эмпирических исследований систем отдельных диалектов. На наш взгляд, это должно стать своего рода приоритетным направлением в арменистике, поскольку многие диалекты, а уж тем более синтетические притяжательные конструкции в них, постепенно выходят из активного употребления.

POSSESSIVE PLURAL MARKING IN EASTERN ARMENIAN: SETTING THE RESEARCH QUESTION AND A THEORETICAL DESCRIPTION

Nikita Bezrukov

Modern Armenian synthetic possessive forms (e.g., *tun-s* ‘my house’ and *glux-d* ‘your head’) are of considerable interest to theoretical morphology due to a number of non-trivial interactions between the morphemes. This paper expands the work by Arregi et al. (2013) on spurious plural marking in Standard Western Armenian (SWA), and seeks to provide a typology of phenomena found in Eastern Armenian varieties.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] J. Dum-Tragut, *Armenian: Modern Eastern Armenian*. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co, 2009.
- [2] Н. Н. Ача́рян, *Liakatar k'erakanut'yun hayoc' lezvi hamematut'yamb 562 lezuneri: Hator II (Deranun)* [Полная грамматика армянского языка в

сравнении с 562 языками: Том II (Местоимение)]. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1954.

- [3] M. Wolf, "Candidate chains, unfaithful spell-out, and outwards-looking phonologically-conditioned allomorphy," *Morphology*, vol. 23, no. 2, pp. 145–178, 2013.
- [4] K. Arregi, N. Myler, and B. Vaux, "Number marking in Western Armenian: a non-argument for outwardly-sensitive phonologically conditioned allomorphy." Linguistic Society of America Annual Meeting, 2013.
- [5] V. L. Katvalyan, *Hayastani Hanrapetut'yan barbaṛayin hamapatker. Girk' 1: Gegark'unik'i marz* [Дialeктный обзор Республики Армения. Том 1: Гегаркуникская область]. Erevan: Asogik, 2018.
- [6] E. B. Aḡayan, *Meḡru barbaṛə* [Меґрунский диалект]. Erevan: Haykakan SSR GA Hratarakč'ut'yun, 1954.
- [7] M. E. Asatryan, *Urmiayi (Xoyi) Barbaṛə* [Урмийский (хойский) диалект]. Erevan: Erevani Hamalsarani Hratarakč'ut'yun, 1962.
- [8] S. H. Baḡdasaryan-T'ap'alč'yan, *Mšo barbaṛə* [Мушский диалект]. Erevan: Haykakan SSR GA Hratarakč'ut'yun, 1958.
- [9] Y. S. Avetisyan, *Arevelahayereni ev arevmtahayereni zugadrakan k'erakanut'yun* [Сравнительная грамматика западноармянского и восточноармянского языков]. Erevan: Erevani Hamalsarani Hratarakč'ut'yun, 2007.
- [10] A. V. Vardanyan, *Vayoc' Jori miḡbarbaṛə* [Байоцдорский междиалект]. Erevan: Tigran Mets Publishing House, 2004.
- [11] A. Pereltsvaig and E. Lyutikova, "Possessives within and beyond NP: Two *ezafe* constructions in Tatar," in *Linguistik Aktuell/Linguistics Today* (A. Bondaruk, G. Dalmi, and A. Grosu, eds.), vol. 217, pp. 193–219, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014.
- [12] E. Lyutikova and A. Pereltsvaig, "The Tatar DP," *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*, vol. 60, no. 3, p. 289–325, 2015.

- [13] H. Z. Petrosyan, *Goyakani t'vi kargə hayerenum [Категория числа существительного в армянском языке]*. Erevan: Erevani Hamalsarani Hratarakč'ut'yun, 1972.
- [14] A. G. Lusenc', *Areši barbaṛə [Арешский диалект]*. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1982.
- [15] K. S. Davt'yan, *Leṛnayin Ġarabagi barbaṛayin k'artezə [Диалектная карта Нагорного Карабаха]*. Erevan: Haykakan SSR GA Hratarakč'ut'yun, 1966.
- [16] B. Vaux, *The phonology of Armenian*. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- [17] R. A. Markosyan, *Araratyan barbaṛ [Арабатский диалект]*. Erevan: Luys, 1989.
- [18] A. S. Margaryan, *Gorisi barbaṛə [Горисский диалект]*. Yerevan: Erevani Hamalsarani Hratarakč'ut'yun, 1975.
- [19] H. D. Muradyan, *Karčevani barbaṛə [Карчеванский диалект]*. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1960.
- [20] M. E. Asatryan, *Loṛu xosvack'ə [Лоруйский говор]*. Erevan: Mitk' Hratarakč'ut'yun, 1968.
- [21] K. Arregi and A. Nevins, *Morphotactics: Basque auxiliaries and the structure of spellout*. Springer, 2012.
- [22] D. Embick, *Morpheme: a theoretical introduction*. De Gruyter Mouton, 2015.
- [23] T. S. Danielyan, *Malat'iaṛi barbaṛə [Малатийский диалект]*. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1967.
- [24] L. Baronian, "Two problems in Armenian phonology," *Language and Linguistics Compass*, vol. 11, no. 8, e12247, 2017.
- [25] O. Jespersen, *Negation in English and other languages*. København: Høst & Søn, 1917.
- [26] A. N. Haneyan, *Tigranakerti barbaṛə [Тигранакертский диалект]*. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1978.

- [27] D. Embick, *Localism versus globalism in morphology and phonology*. Cambridge, Mass: The MIT Press, 2010.
- [28] A. Bale and H. Khanjian, "Syntactic complexity and competition: the singular-plural distinction in Western Armenian," *Linguistic Inquiry*, vol. 45, no. 1, pp. 1–26, 2014.
- [29] J. J. McCarthy, *Hidden generalizations: phonological opacity in optimality theory*. London: Equinox, 2007.
- [30] N. A. Mkrtč'yan, *Burduri barbarə* [Бурдурский диалект]. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1971.
- [31] S. H. Bağdasaryan-T'ap'alč'yan, *Araratyan barbari xosvack'nerə Hoktemberyanı šrjanum* [Говоры араратского диалекта Октемберянского района]. Erevan: Haykakan SSH GA Hatarakč'ut'yun, 1973.
- [32] B. X. Mežunc', *Šamšadin-Diliĵani xosvack'ə* [Шамшадин-Дилиджанский говор]. Erevan: Erevani Hamalsarani Hratarakč'ut'yun, 1989.